

2-808
M. 15.

С. МАКАРОВА

НОВИНКА

МОСКВА
ИЗДАНИЕ
И.КНЕБЕЛЬ

49
42
№ 5
S-34
M-152
С. Макарова.

Н о в и н к а .

— —
РАЗСКАЗЫ

ДЛЯ ДЕТЕЙ

МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

Издание восьмое.

Москва.
Издание I. КНЕБЕЛЬ.
1918.

СЕРИЯ 14.0

НОВИНА

56979

1967-68 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТЕЙ И ЮВЕН
ДЕТГИЗА

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Предлагаю вамъ, мои маленькіе читатели, цѣлый рядъ разсказовъ изъ жизни дѣтей; разсудите сами, какіе ихъ поступки хороши, какіе—дурны.

Запомните, мои дорогіе, нѣтъ ни вполнѣ хорошихъ, ни вполнѣ дурныхъ, ни дѣтей, ни взрослыхъ.

Если про васъ говорятъ: „Какое славное дитя!“—это значитъ въ васъ больше хорошаго, чѣмъ дурного, и вы должны стараться поддерживать въ себѣ хорошее и отвыкать отъ дурного.

Если про васъ говорятъ: „Какое несносное дитя!“—значитъ въ васъ очень много дурного; но помните, отъ васъ самихъ зависитъ перестать поступать худо и сдѣлаться

хорошими; а вырастите—станете честными людьми.

Помоги Богъ всѣмъ вамъ исправить въ себѣ дурное. У хорошаго человѣка такъ свѣтло на душѣ и съ нимъ такъ легко живетъ окружающимъ.

Софія Макарова.

Звѣринецъ.

Серафимушка и Лиза—сестры. Онѣ часто ходятъ съ своимъ маленькимъ братцемъ Митей въ гости къ тетѣ Машѣ. Та угостить ихъ кофе со сливками и сладкими булками и рѣдко отпуститъ съ пустыми руками домой,—то дастъ имъ яблочко, то орѣшковъ, то миндалю и изюму, или вишенъ, а случается, что дѣвочкамъ, какъ старшимъ, подарить и по гривеннику, если онѣ хорошо учатся.

Серафимушка сейчасъ же истратитъ свои деньги на лакомства.

Лиза, напротивъ бережлива. Она не любитъ напрасно тратить деньги; когда нужно, купить себѣ книжечку или ручку для перьевъ, а чаще всего отдастъ все бѣдному на

праздникъ. Къ нимъ иногда приходитъ нищій раненый солдатъ и мама ему всегда даетъ то хлѣба, то копеечку.

Вернулись разъ дѣвочки изъ училища, усѣлись рядкомъ; Серафимушка читаетъ, а Лиза съ Митей слушаютъ. Вбѣгаетъ Ганя, сынъ сосѣда, и кричитъ:

— Диво, а не звѣринецъ! Представьте: львы, пантеры, леопарды...

— Что ты? Откуда?

— Проѣздомъ, въ нашемъ городѣ остановились, сегодня даютъ представленіе, всего по 20 коп. за входъ. Иду съ мамой въ звѣринецъ! Мама спрашиваетъ, не пойдете ли и вы? Только одно представленіе будетъ; хотите итти, такъ собирайтесь скорѣе.

— Ахъ, какая досада!—говоритъ Серафимушка,—мама съ тетей на три дня въ деревню уѣхали и денегъ намъ не оставили!

— Жаль, — говоритъ Ганя, — едва ли удастся вамъ видѣть такія диковинки. Вѣдь тамъ тигры, живые тигры! А говорящіе попугаи,—одинъ сѣрый съ краснымъ хвостомъ даже пѣсни поетъ. Обезьяны совсѣмъ какъ люди, и руки какъ у человѣка—пальцы, ногти... Вотъ и афишка.

Стали читать афишу и точно, какихъ чудесъ тамъ нѣтъ! Слонъ хоботомъ поднимаетъ съ полу серебряный гривенникъ и показываетъ разные фокусы. Три обезьяны даютъ представленіе. Есть и гіены и даже большая змѣя удавъ,—въ шесть часовъ его кормить будутъ.

Дѣти пріуныли. Такія диковинки, а они ихъ не увидятъ! Сколько разъ они мечтали посмотреть тѣхъ звѣрей, что на картинкахъ въ книгѣ нарисованы, и вдругъ они тутъ, живые...

— Не пойдете, такъ до свиданія, говоритъ Ганя.

— Постой, постой, Ганя!—останавливаетъ его Лиза:—у меня въ копилкѣ есть гривенники.

— Сколько? Давай скорѣе!

— Вотъ они всѣ!

Лиза высыпала на столъ скопленные деньги и всѣ вмѣстѣ принялись считать: одинъ, два, три, четыре, пять... Нѣтъ ли шестого гривенника?

Но шестого не оказалось. Какъ быть? Маленькому Митѣ тоже очень хочется на звѣрей посмотреть. Дѣти подумали и рѣшили, что Лиза и Митя пойдутъ сегодня, а Серафимушка будетъ ждать возвращенія мамы.

Принарядились Лиза и Митя и отправились. Смотрятъ, а сами стараются все запомнить, чтобы сестрѣ рассказать, хотя рассказанное совсѣмъ не то, что видѣнное.

Слушаетъ ихъ рассказъ Серафимушка, а сама вздыхаетъ.

— Можетъ быть, мама съ тетей завтра вернутся,—утѣшаютъ ее Лиза и Митя.

Но мама съ тетей на другой день не вернулись, и Серафимушкѣ не пришлось увидѣть живыхъ звѣрей.

Школа шитья.

Сегодня же сведу тебя въ рукодѣльную школу,—сказала мать своей девятилѣтней дочкѣ Машѣ,—тамъ тебя научатъ и вышивать, и шить, и строчить и петли метать.

— Мама, не отдавай меня въ школу,—проситъ Маша,—тамъ цѣлый день заставляютъ работать, не позволяютъ ни поговорить, ни поиграть.

— Не будь же дурочкой, Маша! Вспомни, тебѣ девять лѣтъ, нельзя думать только объ

игръ да болтовнѣ,—надо приучаться къ дѣлу.

— Не хочу я ходить въ школу...

— Не говори глупостей! Надѣвай новое платье, причеши голову, повяжи аккуратнѣе платокъ и пойдемъ.

Заплакала Маша, а дѣлать нечего, надо собираться. Вытерла она слезы, поправила волосы, надѣла новое платье и пошла съ матерью.

„Не буду, не буду учиться,—говорила она себѣ,—тамъ скучно, сиди, да шей; а я не буду шить, меня и возьмутъ домой“.

Съ угрюмымъ лицомъ вошла она въ школу и такая же угрюмая вернулась домой, ничего не сдѣлавъ такъ, какъ ей указывала учительница.

Ходить Маша недѣлю, другую, третью, а дѣло не подвигается,—то рубецъ заложить она неровный, то не такъ захватываетъ иглой, какъ показано. Прошло три мѣсяца, наступилъ декабрь; другія дѣвочки научились и подшивать, и петли метать; нѣкоторыя научились и строчить, а Маша все сидитъ надъ лоскутками, по которымъ учатъ швамъ.

Вотъ и декабрь къ концу подходитъ; всѣ дѣвочки сшили что-нибудь своимъ родите-

лямъ: кто кофту мамѣ, кто подрубилъ и намѣтилъ полотенце, кто платки, а кто сшилъ платьица и блузки своимъ меньшимъ братьямъ и сестрамъ, а Маша ничего не сдѣлала, только лоскутки испорченные получила отъ закройщицы.

„Какъ увидятъ, что я ничему не научилась,—думаетъ Маша,—такъ и возьмутъ меня изъ школы“.

Приходить домой, а меньшіе ея братья радостно сообщаютъ ей:—У насъ елка будетъ! Крестная сама сказала, что привезетъ... И всѣмъ хорошіе подарки будутъ.

Маша радуется вмѣстѣ съ дѣтьми и ждетъ не дождется перваго дня Рождества. „Что-то мнѣ подарятъ?“ думаетъ. То ей кажется, что она получить розовый ситецъ на платье, то думается, что получить она книжку съ картинками и хорошенькими рассказами или нарядный передникъ.

И что же? Наступилъ долго ожидаемый день, елка зажжена, вся блеститъ огнями; навѣшано много золотыхъ орѣховъ, яблокъ, шоколаду, леденцовъ и хорошенькихъ коробочекъ съ конфетами.

Вотъ и подарки. Маша умѣетъ читать,

она сама прочтетъ свой билетикъ. Смотрить она и глазамъ своимъ не вѣрить—ея билетикъ лежитъ на розовомъ ситцѣ, нарядномъ передникѣ и книжечкѣ. Взяла она все это и хотѣла поблагодарить крестную, какъ вдругъ замѣтила, что на билетикѣ внизу написано: „Машѣ, если она научилась подшивать и строчить“.

Заплакала Маша, но слезы не помогли; всѣ ея подарки мама убрала въ шкафъ подъ ключъ.

— Вмѣсто того, чтобы плакать,—сказала крестная,—ябы на твоёмъ мѣстѣ поскорѣе научилась всему тому, что уже знаютъ твои подруги.

И что-же? Маша въ одинъ мѣсяцъ научилась работать и получила не только свои подарки, а еще и серебряный наперстокъ.

Ссора.

Только что Витя усѣлся у своего рабочаго столика и принялся готовить уроки, какъ вбѣжалъ съ крикомъ и свистомъ его братъ Саша и началъ тормошить.

— Пойдемъ, Витя, въ садъ, тамъ давно собрались Леша, Одея и Ганя. Да ну же, пойдемъ!

— Не пойду,—говорить Витя,—пока не кончу уроковъ.

— Вздоръ!—кричитъ Саша,—такая чудная погода, а я оставляю тебя сидѣть надъ книгами! Не бывать этому!

— Оставь меня, Саша, говорю тебѣ толкомъ, не пойду; я сначала долженъ приготовить уроки.

— Ты посмотри, какая погода, лѣто да и только.

— Кончу и приду.

— Не отстану, пойдемъ вмѣстѣ.

Витя не былъ терпѣливъ, приставање выводило его изъ себя. Онъ и теперь не выдержалъ и сердито отвѣтилъ брату: „оставь меня въ покоѣ, а то худо будетъ!“

Саша засмѣялся и, видя недовольное лицо Вити, еще сильнѣе сталъ приставать къ нему.

— Не дамъ, не дамъ тебѣ заниматься!—кричалъ онъ, смѣясь и началъ дергать его за рукавъ, стучать кулаками по столу, пѣть надъ самымъ ухомъ.

Долго сдерживался Витя и уговаривалъ брата не надоѣдать ему, но неразумный Саша

не унимался. Витя вышелъ изъ себя,—а когда онъ, бывало, вспылить, то ничего не помнить; такъ и тутъ онъ забылъ, что передъ нимъ его меньшей братъ,—и такъ сильно толкнулъ его, что тотъ упалъ и расшибъ себѣ лобъ объ уголъ стола. Кровь хлынула ручьемъ, и Саша застоналъ.

— Господи, что я сдѣлалъ!—закричалъ внѣ себя Витя, бросаясь къ брату и стараясь приподнять его.

— Саша, милый, больно тебѣ, очень больно?

Саша лежалъ блѣдный и не двигался.

„А что, если онъ умеръ?—мелькнуло въ головѣ Вити;—мама, мама, что я надѣлалъ!“

И онъ зарыдалъ, припавъ къ брату.

На шумъ вошелъ отецъ. При видѣ окровавленнаго сына лицо его такъ измѣнилось, что Витя, взглянувъ на него, закрылъ лицо руками. Отецъ молча наклонился надъ Сашей и сталъ разсматривать рану.

— Неси скорѣе холодной воды!—сказалъ онъ Витѣ.

Тотъ едва могъ двинуться съ мѣста, руки у него дрожали, ноги подкашивались.

Вернувшись съ водою, онъ засталъ уже брата на диванѣ, отецъ унималъ кровь платкомъ.

— Принеси нюхательный спиртъ,—сказалъ наконецъ отецъ:—надо привести Сашу въ чувство, рана не опасна.

Витя бросился за спиртомъ, слезы градомъ катились по его лицу; но онъ былъ внѣ себя отъ радости, и никогда еще такъ нѣжно не обнимались братья, какъ въ ту минуту, когда очнулся Саша.

Съ тѣхъ поръ Саша не приставалъ болѣе ни къ кому, а Витя сталъ сдержаннѣе и не поддавался болѣе вспыльчивости.

Похвасталъ.

Папа привезъ разъ съ почты посылку. — Изъ Софіи!—сказалъ онъ, положивъ на столъ пакетъ.

А Боря ужъ тутъ-какъ-тутъ. Онъ знаетъ, что дядя Петя живетъ въ городѣ Софіи и обѣщалъ прислать ему турецкій костюмъ.

Раскрыли пакетъ и въ немъ дѣйствительно оказались бархатная куртка, шитая золотомъ, желтые шелковые широкіе панталоны, крас-

ная суконная шапочка—феска, съ длинной синей шелковой кистью и широкій пестрый поясъ.

— Мамочка, мамочка!—кричалъ, прыгая Боря,—позволь мнѣ примѣрить костюмъ. Какой онъ красивый, посмотри, какъ блестить!

— Примѣрь, пожалуй, только смотри, будь осторожнѣе, не сомни и не запачкай.

Боря побѣжалъ въ дѣтскую, показалъ костюмъ нянѣ и вернулся въ столовую настоящимъ турченкомъ.

— Молодецъ!—сказалъ папа,—надотолько саблю повѣсить, да пистолеты заткнуть за поясъ.

Боря помчался въ дѣтскую и вернулся во всеоружіи: сабля гремѣла по полу, пистолеты грозно торчали изъ-за пояса.

— Мамочка,—просить Боря,—позволь мнѣ сходить къ сосѣдямъ показаться.

— Не святки, голубчикъ,—смѣется мать,—чтобы ходить переряженнымъ.

— Мамочка, я только Сережѣ и Ленѣ покажусь и сейчасъ же вернусь домой.

— Не лучше ли подождать, пока они къ намъ придутъ, тогда и покажешь.

— Нѣтъ, мамочка, имъ очень хотѣлось видѣть турецкій костюмъ; они меня просили притти, какъ только его мнѣ пришлютъ.

— Ну, иди; только смотри, не вздумай гулять по улицѣ.

Боря такъ обрадовался, что не слыхалъ предостереженія мамы и выбѣжалъ изъ комнаты, прежде чѣмъ она кончила говорить.

Удивилъ онъ очень сосѣдей, явившись къ нимъ туркомъ. Всѣ ахаютъ, а Боря радуется. Разглядѣли шитье, Сережа примѣрилъ феску, Лена попробовала приладить къ своему платьицу турецкій поясъ, вышло очень хорошо. Побѣгали, поиграли, надо и домой.

Бѣжитъ Боря черезъ дворъ и видитъ въ растворенную калитку,—мальчики играютъ на улицѣ.

„Выскочу къ нимъ,—думаетъ:—вотъ-то удивятся“. И выскочилъ на улицу.

— Обезьяна, обезьяна!—закричали мальчики, указывая пальцами на Борю.

— Глупые!—кричитъ имъ Боря,—такъ турки одѣваются, видите, сколько золота нашито!

— Валяй въ турка грязью!—крикнулъ одинъ сорванецъ.

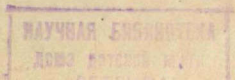
Всѣ мальчишки схватили по комку грязи и, прежде чѣмъ Боря успѣлъ спрятаться въ калитку, весь костюмъ былъ испорченъ.

Вотъ и похвасталъ.

Шляпка.

Есть дѣвочки, которымъ доставляетъ особенное удовольствіе сдѣлать что нибудь непріятное подругѣ, какъ будто имъ чужая радость и веселье не по сердцу, и всегда онѣ найдутъ чѣмъ досадить и огорчить. Вотъ такой-то дѣвочкой была Таня. Получать-ли ей братья книгу съ картинками, она тотчасъ найдетъ, что тутъ нехорошо раскрашено, тамъ не такъ нарисовано и разсказъ не хорошъ, и сама книга не такая красивая, какъ тѣ, что въ магазинахъ въ окнахъ выставлены. И пойдетъ насмѣхаться, пока не раздосадуетъ братьевъ.

Любила она тоже судить и рядить о всѣхъ своихъ подругахъ: та — смѣшна, эта — неловка, третья сказала глупость. И платья у нихъ нехороши, и передники безобразны, и куклы-то

у нихъ некрасивыя. А если замѣтитъ какой нибудь природный недостатокъ, такъ покоя не дастъ своими насмѣшками.

Странная она была дѣвочка, никогда никого не пожалѣла, всѣхъ только осмѣивала. Подруги боялись ее и не любили, съ ней не было ни веселья, ни покоя: каждому скажетъ что-нибудь, что его огорчить.

Пришла она на именины къ Катѣ. Тамъ собралось много дѣвочекъ и всѣ любовались шляпкой, которую тетя подарила именинницѣ.

Каждой вновь пришедшей подругѣ Катя показываетъ свою обновку, радуется, что всѣ хвалятъ подарокъ, подпрыгиваетъ и любитъ на цвѣтокъ и на ленты.

Поздоровавшись съ Таней, она достала свою шляпку изъ картонки и показала и ей. Таня осмотрѣла шляпку съ пренебреженіемъ и сказала:

— Нашла прелесть! Смѣшно даже слушать. Я бы ни за что не надѣла ее: она совсѣмъ не модная. Если бы я получила такую шляпу, я бросила бы ее въ печку: моя гораздо лучше этой. Да и цвѣты вовсе некрасивы. Вотъ хотя бы фіалки! Развѣ бываютъ такія фіалки? И цвѣтъ розы мнѣ не нравится.

Чѣмъ больше говорила Таня, тѣмъ грустнѣе становилась Катя; шляпка ей не казалась уже такой хорошенькой, и она печально опустила ее въ картонку.

— Охота тебѣ слушать Таню,—уговаривали ее подруги;—вѣдь она всегда находитъ все некрасивымъ и дурнымъ, точно ты не знаешь ее. Пойдемъ лучше играть. Завтра ты надѣнешь свою шляпку и увидишь, какъ всѣ будутъ любоваться; она вѣдь прехорошенькая, и тетя вѣрно знаетъ лучше Тани, что выбрать.

Катя повеселѣла, но шляпка была ей уже не такъ мила, какъ прежде; вздохнувъ, она закрыла картонку и поставила ее въ шкафъ.

Всѣ стали играть; одна игра была веселѣе и шумнѣе другой; только всѣ какъ-то обходили Таню, а когда она бывала въ кругѣ, веселый смѣхъ стихалъ.

Замѣтила ли это Таня?

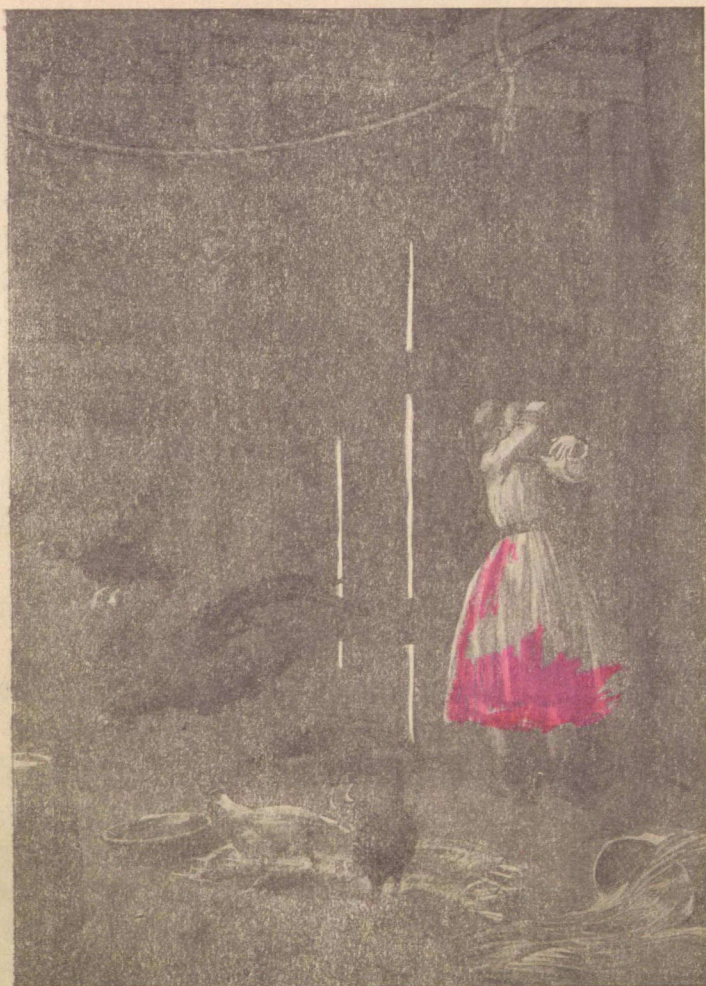

Курятникъ.

Мама сказала дѣткамъ: — Сегодня къ намъ пріѣдетъ дѣдушка, всѣ должны принарядиться и вести себя какъ можно лучше. Вы знаете, дѣдушка любитъ, когда дѣтки хорошо ведутъ себя и одѣты чисто и аккуратно, такъ помните же это и берегите свои платья: красивое, но грязное платье гораздо хуже простого, но чистаго.

Дѣти запрыгали отъ радости. Они радовались пріѣзду добраго, ласковаго старика, знали, что будетъ вкусное пирожное, и лакомства, и веселыя игры, которыя умѣлъ устраивать дѣдушка; словомъ, надѣялись отлично провести день. Особенно радовалась маленькая Капочка.

— Я надѣну свое новое розовое платье, — говорила она, хлопая въ ладошки: — оно такое хорошенькое, съ большимъ, большимъ бантомъ.

— Смотри, не испачкай его, — замѣтила ей старшая сестра Маня, — ты вѣдь порядочная грязнушка.

— Ну ужъ, пожалуйста! Захочу, такъ сумѣю сберечь платье не хуже твоего; помнишь, какъ ты запачкала свое новое голубое платье? И отчистить нельзя было.

— Маня не знала, что двери были только что выкрашены, — заступились братья за свою любимицу. — А ты извѣстная пачкунья; мама всегда говоритъ: кто не приучить себя постоянно быть опрятнымъ, тому трудно сберечь свое платье, когда захочетъ.

— Сами не лучше меня, — сказала Капочка, — а тоже учите.

И Капочка побѣжала въ дѣтскую, чтобы скорѣе надѣть свое хорошенькое платьице.

Расфрантившись и оглядывая себя, а особенно бантъ, такъ красиво завязанный мамой, она ходила спокойно по серединѣ главной дорожки сада, чтобы не зацѣпить кружевцемъ за вѣтки кустовъ или не запачкать травой свои новенькіе башмачки.

Братья подсмѣивались надъ ея необыкновенной степенностью и осторожностью.

Капочка не обращала на нихъ никакого

вниманія и продолжала важно выступать по дорожкѣ. Мальчики убѣжали играть въ мячъ. Маня пошла помочь мамѣ по хозяйству, Капочка осталась одна. Ей немножко скучно, но что дѣлать, она боится играть; съ непривычки, пожалуй, правда, запачкаетъ или разорветъ платье; она чувствуетъ, что братья правы,—какъ она разыграется, такъ забудетъ обо всемъ и готова хоть въ лужу сѣсть.

„Уфъ, какъ время долго тянется! Хоть бы дѣдушка скорѣе пріѣхалъ. Показать бы ему чистенькой, а тамъ можно и поиграть. Она будетъ играть осторожно, можетъ быть, и не запачкаетъ платья...“

Размышленія Капочки были вдругъ прерваны: въ саду показалась курица съ цыплятами. Эти куры такія несносныя—всегда являются туда, куда имъ входъ запрещенъ. Надо выгнать ихъ.

Капочка побѣжала за ними. Цыплята пустились вразсыпную по куртинамъ съ цвѣтами, курица заклохтала, засуетилась, но и она не могла собрать ихъ. Капочка взяла прутикъ и принялась гоняться за цыплятами. Гонялась, гонялась и забыла и о дѣдушкѣ, и о своемъ новомъ платьѣ, наконецъ ей

удалось собрать цыплятъ и направить къ курятнику.

Она такъ увлеклась, что, загоняя послѣдняго цыпленка, сама вбѣжала въ курятникъ, зацѣпила за бревно, которымъ придерживалась растворенная дверь, и та за ней захлопнулась.

Очувившись въ темнотѣ, Капочка опомнилась и, оставивъ цыплятъ въ покоѣ, бросилась къ двери, чтобы поскорѣе отворить ее, но вспомнила, что дверь отворялась только снаружи, а изнутри ее отпереть невозможно. Она принялась стучать, кричать, — все напрасно; никто не могъ ее слышать, такъ какъ курятникъ былъ далеко отъ дома.

Ей бы слѣдовало ждать спокойно, пока подойдетъ кто-нибудь, но Капочка была нетерпѣлива; она принялась стучать, кричать, метаться по курятнику, спотыкалась, падала и вся измазалась.

Между тѣмъ пріѣхалъ дѣдушка, сначала и не вспомнили о Капочкѣ, но, увидѣвъ, что ея нѣтъ, пошли отыскивать и нашли ее въ ужасномъ видѣ. Все лицо было размазано грязными руками, — она стучала ими по грязной двери курятника, а затѣмъ вытирала

слезы. Платье и обувь были до то того грязны, что пришлось не только переменить все бѣлье и платье, но самой вымыться съ мыломъ.

Это заняло столько времени, что всѣ успѣли позавтракать и наиграться вдоволь; а дѣдушка былъ на этотъ разъ особенно въ духѣ и затѣвалъ одну игру веселѣе другой.

Двѣ птички.

Ваня и Соня—братъ и сестра, но совсѣмъ не похожи другъ на друга. Ваня ласковый, веселый мальчикъ, а Соня—угрюмая, капризная дѣвочка; она никогда ничѣмъ недовольна и вѣчно жалуется, что ее обижаютъ. Что ни получить—всегда найдетъ, что брату дали лучше, чѣмъ ей, и пищить, и пристаётъ, и портитъ сама себѣ всякое удовольствіе.

Получить ли она новое платье, а Ваня новую рубашку,—тотчасъ же начнетъ она ныть, что рубашка Вани гораздо лучше ея платья; дадутъ ли имъ лакомства,—она сей-

часть найдеть, что Ванѣ дали яблоко больше и спѣлѣе, и т. д.

Отецъ видитъ все это и останавливаетъ Соню, совѣтуетъ ей исправиться. „Завистливый человѣкъ и себѣ, и другимъ въ тягость“, — говоритъ онъ ей; но Соня всѣ слова отца пропускаетъ мимо ушей и не исправляется.

Принесъ разъ отецъ двѣ совершенно одинаковыя клѣтки: въ одной сидѣлъ пестрый щегленокъ, въ другой — скромная коноплянка.

— Вотъ вамъ по птичкѣ, — говоритъ онъ: — тебѣ, Ваня, я дарю этого щегленка, а тебѣ, Соня, — коноплянку. Берегите птичекъ, кормите ихъ, перемѣняйте имъ воду и чистите каждый день клѣтки. Птички скоро привыкнуть къ вамъ и сдѣлаются ручными.

Ваня обрадовался своей птичкѣ, а Соня надула губы.

— Развѣ тебѣ твоя птичка не нравится? — спросилъ ее отецъ.

— Что дали, то и ладно, — отвѣтила Соня, — но развѣ я не вижу, что птичка Вани, красивѣе моей. Ему всегда даютъ все самое лучшее.

— Хочешь помѣняться съ сестрою? — спросилъ отецъ Ваню.

— Хорошо, папочка,—отвѣтилъ Ваня,— пусть Соня возьметъ мою птичку если она ей больше нравится.

Дѣти помѣнялись.

Просыпаются дѣти на другой день и слышать,—объ птички поютъ, но какая разница! Коноплянка такъ и заливается, а щегленокъ щебечетъ что-то подъ носъ.

Соня въ слезы и просить Ваню опять помѣняться птичками, но отецъ услышалъ и не позволилъ.

— Что сама выбрала, то и имѣй,—сказалъ онъ.

Щегленокъ.

Уфъ, какъ холодно!—говоритъ Лиза, вбѣгая въ комнату,—совсѣмъ замерзла.

И она принялась прыгать и растирать свои оокоченѣвшія рученки.

— Да, морозъ хоть куда!—соглашается съ нею братъ Федя, постукивая ногами и хлопая рука объ руку.

Дѣти только-что вернулись изъ школы, носы у нихъ посинѣли, уши и щеки раскраснѣлись, а руки и ноги совсѣмъ ооченѣли.

Вдругъ слышатъ они, зашумѣло что-то за окномъ и словно застучало въ стекло: тикъ-тикъ-тикъ.

Оба бросились къ окну и видятъ: маленькая, хорошенькая птичка уцѣпилась крохотными лапками за переплетъ окна и стучить носикомъ въ стекло,—видно, отъ холода въ комнату просится.

— Бѣдняжка замерзнетъ,—сказала Лиза,—надо ее впустить въ комнату.

Она быстро вскочила на стулъ и отворила форточку. Птичка точно ждала этого,—тотчасъ же влетѣла и стала порхать изъ угла въ уголъ.

— Она согрѣваетъ, какъ и мы, свои ооченѣвшія ножки,—сказалъ весело Федя,—посмотри, какъ она, перелетая, расправляетъ лапки.

Птичка полетала, опустилась на столъ и стала прыгать и осматриваться.

— Она голодна!—рѣшила Лиза,—надо покормить ее: у меня остался кусочекъ бѣлаго хлѣба отъ завтрака.

Съ этими словами она проворно достала изъ мѣшка хлѣбъ, накрошила его на столъ и отошла.

Птичка съ жадностью накинута на хлѣбъ, склевала все до послѣдней крошки и принялась чистить носикъ и расправлять свои перышки.

— Что это за птичка?—спросила Лиза, любуясь ея быстрыми глазками и красивыми перышками.

— Это щегленокъ, — отвѣчалъ братъ, — его сейчасъ можно узнать по красному пятнышку подъ клювомъ и по желтенькимъ перышкамъ въ крыльяхъ. Онъ хорошо поетъ. Мы посадимъ его въ клѣтку и повѣсимъ ее у окна.

Они отыскали старую клѣтку, поправили въ ней согнутые пруты, поставили двѣ баночки, одну для воды, другую для сѣмечекъ, и посадили въ нее птичку, но дверку не заперли, чтобы она могла вылетать, когда вздумается.

Щегленокъ осмотрѣлъ всѣ уголки своего домика, и, кажется, остался доволенъ. Мало-по-малу онъ такъ освоился, что подлеталъ къ дѣтямъ на зовъ „щигля, щигля“, садился имъ на палецъ и клевалъ кормъ у нихъ изо рта.

Дѣти полюбили милую птичку, бросили свои игрушки и только и возились, что съ щегленкомъ.

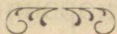
Прошла зима, снѣгъ стоялъ, побѣжалъ ручейками и напоилъ землю; показалась молодая зелень, а за ней и цвѣточки: щегленокъ сталъ заглядывать въ окошко и прислушиваться къ говору птичекъ.

— Пора ей на волю,—сказала дѣтямъ мама,—пустите ее, пусть себѣ советъ гнѣздышко въ нашемъ садикѣ.

Дѣти поцѣловали своего милаго щиглю, Лиза посадила его себѣ на пальчикъ и вынесла въ садъ. Щегленокъ осмотрѣлся, пискнулъ, ему отвѣтили другія птички. Переговоривъ съ ними что-то, щегленокъ затрепеталъ крылышками и улетѣлъ.

— Прощай, щигля!—закричали ему дѣти. Но птичка полетала и вернулась къ дѣтямъ. Вотъ была радость!

— Она стала совсѣмъ ручная,—сказала мать,—пусть остается въ клѣткѣ, а то ее всякій можетъ поймать и обидѣть, вы должно быть хорошо ходили за ней, и она васъ любила.

Старая башня.

Неподалеку отъ дома родителей Кости стояла старая заброшенная башня. Выстроена она была на вершинѣ обнаженной скалы, высившейся посреди лѣса, и пришла въ такую ветхость, что грозила обрушиться.

Костя не разъ слыхалъ отъ товарищей, что въ башнѣ этой гнѣздятся совы и другія ночныя птицы, и стоитъ только быть не трусомъ и сумѣть взобраться на башню, а тамъ уже легко достать себѣ совенка. Ему такъ захотѣлось имѣть совенка, что онъ только и мечталъ, какъ бы добыть его. Даже ночью мысль эта не давала ему покоя, ему снилось, что онъ безстрашно взбирается на самый верхъ башни, отыскиваетъ совиное гнѣздо, беретъ мохнатого совенка, приносить его къ себѣ и сажаетъ въ корзинку съ пухомъ. Про-

сыпаясь, онъ всякій разъ досадовалъ, что это былъ лишь сонъ.

Сталъ онъ просить отца:

— Пусти меня въ лѣсъ, папа!

— Зачѣмъ ты пойдешь въ лѣсъ?

— Взберусь на старую башню и добуду себѣ совенка.

— Этому не бывать, — сказалъ отецъ строго, — не смѣй и думать подходить къ старой башнѣ; каждую минуту она можетъ обрушиться и камни, падая, могутъ убить тебя до смерти.

Загрустилъ Костя; совы изъ ума у него не выходятъ, грезятся онѣ ему, тянеть его къ старой башнѣ.

Чѣмъ больше кто думаетъ о чемъ, тѣмъ больше хочется добиться желаемого. Костя не утерпѣлъ и рѣшилъ тайкомъ пробраться въ башню. Лишь только отецъ ушелъ куда-то, онъ надѣлъ шапку, забѣжалъ къ своему товарищу Мишѣ и договорилъ его итти съ нимъ.

Добрались мальчики до башни и, какъ обезьяны, стали карабкаться, цѣпляясь за кирпичи. Костя забрался уже на самый верхъ, а все нигдѣ не видно совиного гнѣзда. Онъ

сталъ было спускаться, какъ вдругъ въ одной изъ трещинъ стѣны увидѣлъ пару блестящихъ, огненныхъ глазъ и у самаго его уха раздался пронзительный крикъ совы.

Въ испугѣ онъ отшатнулся, попалъ ногой на плохо державшійся камень, тотъ оборвался и вмѣстѣ съ нимъ покатился внизъ и Костя.

По счастью, еще онъ не убился до смерти, а только повредилъ себѣ ногу, но боль была такъ сильна, что итти онъ не могъ и ползкомъ добрался до дому.

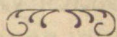
Мать уложила его въ постель, докторъ сдѣлалъ перевязку и не велѣлъ двигаться.

Къ вечеру вернулся отецъ и, узнавъ о случившемся, прошелъ въ комнату сына; въ рукахъ у него былъ совенокъ.

—Вотъ видишь ли,—сказалъ Костѣ отецъ,—я хотѣлъ доставить тебѣ удовольствіе и купилъ эту сову, но такъ какъ ты не послушался меня и полѣзъ добывать ее самъ, то вотъ что я дѣлаю съ своимъ подаркомъ.

Онъ растворилъ окно и выпустилъ птицу.

Костя заплакалъ, но долженъ былъ сознаться, что отецъ совершенно правъ.

Все бы плясала.

Анюта очень любила игры и танцы, у ней только и было на умѣ, какъ бы повеселиться. Скажетъ ей, бывало, мама:—Покачай маленькаго братца и спой ему пѣсенку.

Анюта начнетъ качать колыбельку и напѣвать, да такъ распоеется, что забудетъ и о братцѣ; и разъ такъ качнула, что онъ вылетѣлъ изъ колыбельки и долго плакалъ, бѣдняжка.

Станутъ ей говорить подруги: „Посмотри, Анюта, какое я кружевце хорошенькое вяжу“ или „прочитай вотъ эту сказочку, очень интересная“, а Анюта въ отвѣтъ:

— Охота читать да вязать! Я лучше попляшу, я такъ люблю танцы, все бы плясала!

Дѣвочки посмѣются надъ Анютой и примутся за дѣло, а она скачетъ, пляшетъ, пока мать не засадитъ ее за работу.

Много было мамѣ хлопотъ съ ней.

Прибѣжала разъ Анюта къ матери, обхватила рученками ее за шею и стала ласкаться.

— Мамочка, милая! Къ Куратовымъ будетъ ходить учитель танцевъ, много дѣвочекъ будетъ вмѣстѣ съ ними учиться танцамъ. Позволь и мнѣ учиться, мамочка; всего только полтинникъ въ недѣлю стоитъ.

— Ты знаешь, Анюта, — сказала мать, цѣлуя свою дочку, — у папы мало денегъ и трудно намъ платить два рубля въ мѣсяцъ.

— Мамочка, родная, лучше не покупай мнѣ лакомства и новой шляпки, а позволь мнѣ учиться танцовать.

— Да ты мала, тебѣ всего восемь лѣтъ, успѣешь еще.

— Дорогая мамочка, позволь! я буду стараться учиться и работать, только позволь танцовать.

— Ты, пожалуй, допляшешься до того, что заболѣешь. Вѣдь ты такая неразумная.

— Развѣ можно заболѣть отъ танцевъ?

— И очень! Надо быть осторожной, по-

танцевать и отдохнуть, а главное—не пить тотчасъ послѣ танцевъ, особенно, холоднаго.

— Буду беречься, мамочка!

— Помни же, Анюта, берегись, а то вмѣсто удовольствія доставишь себѣ горе.

Анюта стала каждое воскресенье ходить къ сосѣдямъ Куратовымъ учиться танцевать. Послѣ каждого урока дѣти просили тетю поиграть, и снова начинались танцы. Анюта, разумѣется, впереди всѣхъ. Однако, она была очень осторожна, потанцуетъ и отдохнетъ, потомъ опять потанцуетъ; мало-по-малу она, однако, забыла обѣщаніе, данное мамѣ, стала все больше и больше увлекаться танцами и кончила тѣмъ, что плясала не переводя духъ. Щечки разгорятся, волосы прилипнуть ко лбу, а она все пляшетъ.

Пробовали ее останавливать старшіе и подруги. Она одного поцѣлуетъ, другого обниметъ, увѣряетъ, что не устала, и продолжаетъ плясать.

Мама объ этомъ не знала, такъ какъ рѣдко сама бывала у Куратовыхъ.

Научились дѣти всѣмъ приемамъ и стали танцевать — польку, вальсъ, а потомъ и кадрили.

Разъ какъ-то тетя играла дольше обыкновеннаго; дѣтей было много, и одна пара смѣняла другую, только одна Анюта не хотѣла отдохнуть, а вертѣлась не переставая.

Замѣтила это Куратова и говорить:—Не хорошо, Анюта, ты устанешь и пожалуй заболѣешь.

— Нѣтъ, я привыкла!—отвѣтила весело Анюта и, обхвативъ свою подругу за талию, понеслась въ вальсъ.

Вертѣлась она до тѣхъ поръ, пока не закружилась голова. Она поблѣднѣла, ноги у нея задрожали и въ глазахъ потемнѣло—и она не помнила, какъ ее уложили на диванъ.

Долго пролежала она безъ движенія; въ вискахъ стучало, голову ломило и сильно тошнило. Она едва дошла до дому, опираясь на руку Куратовой, и всю ночь металась въ бреду.

Утромъ пришелъ докторъ, прописалъ ей лѣкарство и велѣлъ двѣ недѣли лежать въ постели.

Скоро наступили веселые праздники Рождества Христова. Всѣ дѣти веселились вокругъ елки, а Анюта, блѣдная и худая, едва

двигалась и грустно поглядывала изъ уголка, какъ всѣ танцовали и ѣли сладкое. Ей было запрещено всякое движеніе и давали ей только молоко да супъ.

Пожаловалась.

Всѣ подружки сторонились отъ Любочки, — какъ только что не по ней, она тотчасъ бѣжитъ къ мамѣ или къ учительницѣ и жалуется, и плачетъ, и обвиняетъ всѣхъ.

Ее останавливали, старались отучить отъ постоянныхъ жалобъ, говорили, что надо прощать и не ссориться, но Люба не отвыкала отъ своей привычки и постоянно надоѣдала всѣмъ своимъ нытьемъ и жалобами.

Случалось, что она сама бывала виновата, а чтобы ее не наказали, лгала и сваливала свою вину на другихъ.

Играла она разъ утромъ съ дѣтьми въ садикѣ у церкви. Всѣ бѣгали, смѣялись, играли въ мячикъ. Вдругъ Любочка раскапризничалась и начала жаловаться на Стешу.

— Она меня мячикомъ по плечу ударила,—хныкала она, утирая кулакомъ небывалыя слезы.

— Я не бросала въ нее мячика,—оправдывалась Стеша,—она хотѣла, чтобъ я играла съ нею, а я играла съ Машей, вотъ, она и разсердилась.

— Неправда, неправда!—закричала Любочка,—она меня нарочно больно ударила.

— Ну гдѣ, покажи?—сказали дѣти, обступивъ сердитую Любу.

— Вотъ синякъ,—говорила она, засучивъ рукавъ.

— Ничего нѣтъ,—закричали всѣ разомъ, разглядывая руку Любочки.—Стеша не виновата! Стыдно, стыдно!

Любочка разсердилась, расплакалась и побѣжала къ своей матери жаловаться на Стешу.

— Стеша меня ударила мячикомъ, я стала жаловаться, а она меня еще прибила; другія дѣвочки тоже на меня накинулись, я насилу убѣжала отъ нихъ.

Мать сначала не повѣрила своей дочкѣ; она знала, какъ часто та говорила неправду, но Любочка горько плакала, увѣряя что говорить правду.

— Не плачь, Любочка, — сказала ей мать, — если дѣвочки тебя обидѣли, я тебѣ дамъ сладкаго пирога къ кофе. Перестань же плакать.

Мать Любочки накинула на голову платокъ и вышла изъ дома.

Любочка была очень довольна: мать, вѣроятно, пошла за сладкимъ пирогомъ и сливками къ кофе. Вотъ будетъ вкусный завтракъ!

Вернулась мать, но не съ пирогомъ и сливками, а съ толпою дѣвочекъ.

— Всѣ говорятъ, — сказала она строго Любочкѣ: — что не Стеша, а ты виновата; такъ Стеша получить кофе и пирога, которыми я хотѣла тебя утѣшить, а ты посиди сегодня на хлѣбѣ.

Подарокъ.

Идочка любила передавать разныя новости; стоитъ кому-нибудь начать рассказывать, — она ужъ тутъ, половины не дослушаетъ, половины не пойметъ, но сейчасъ же сообщить по-своему подругамъ и знакомымъ.

Не разъ она ссорила своими глупыми рассказами сосѣдей; не разъ отецъ и мать ея имѣли непріятности черезъ нее,—она все не унималась, какъ ее ни стыдили и ни уговаривали оставить эту дурную привычку. Нѣсколько разъ Идочка обѣщала исправиться; она искренно желала это сдѣлать, но отъ дурной привычки отдѣлаться нелегко.

Приходитъ разъ ея подруга Вѣра съ корзинкой, осторожно открываетъ ее и говоритъ:

— Посмотри, какую хорошенькую салфеточку начала мнѣ тетя, я хочу связать ее къ именинамъ мамы и буду работать у тебя, чтобъ она не увидѣла. Не говори никому объ этомъ; мнѣ хочется порадовать маму.

— Не проговорись, Идочка!—стала она опять просить свою подругу:—дома я не могу вязать—мама увидитъ, а ужъ это будетъ не подарокъ, если она будетъ знать о немъ заранѣе. Пожалуйста, не проговорись!

Идочка обѣщала. Ей было пріятно довѣріе подруги и интересовало видѣть, какъ удивится мать Вѣрочки, получивъ такую красивую салфеточку.

Цѣлый день Идочка ходила, на всѣхъ серьезно поглядывая и гордясь своимъ умѣ-

нѣмъ молчать, но къ вечеру не вытерпѣла и все рассказала брату, прося его держать дѣло въ секретѣ. Тотъ началъ смѣяться надъ секретомъ двухъ подругъ и рассказалъ о немъ на другой же день въ школѣ.

Услышалъ объ этомъ братъ Вѣрочки и сталъ приставать къ сестрѣ и подсмѣиваться надъ ея тайной. И тайна стала извѣстна всѣмъ въ домѣ, въ томъ числѣ и матери.

Вѣрочка была огорчена, и для мамы это уже не было неожиданнымъ подаркомъ, что, конечно, доставило бы ей гораздо больше удовольствія,

Съ тѣхъ поръ никто ни о чемъ не говорилъ при Идочкѣ, которой было очень больно видѣть такое недовѣріе, тѣмъ болѣе, что она наконецъ исправилась отъ своего недостатка.

Но потерянное довѣріе трудно вернуть.

Стрѣльнулъ.

Антоша и Володя бѣгомъ бѣжали къ горѣ, которая находилась неподалеку отъ города. Тамъ недавно поставили двѣ пушки

и собирались стрѣлять изъ нихъ по случаю какого-то торжества.

На горѣ собралось уже много другихъ мальчиковъ, окружившихъ орудія. Какъ быть? Стоя въ заднихъ рядахъ, они ничего не увидятъ, надо непременно протолкаться впередъ.

Съ большимъ трудомъ, но все-таки имъ удалось пробраться и стать подлѣ пушекъ. Солдаты зарядили пушки, приставили зажженные фитили, порохъ вспыхнулъ, и раздался такой гулъ, какого дѣти никогда еще не слыхали. Многіе изъ мальчиковъ зажали уши, — имъ показалось, что они оглохнутъ отъ этого грома.

— Вотъ бы мнѣ стрѣльнуть изъ пушки! — сказалъ Антоша. — Я попробуюсь впередъ и, какъ только ее зарядятъ, подскочу къ самому жерлу, брошу зажженную губку въ затравку и пушка выстрѣлитъ прежде, чѣмъ солдатъ успѣетъ меня схватить.

— Придумалъ! А если тебя поймаютъ? Шутить съ тобой не будутъ.

— Не поймаютъ, — сказалъ Антоша хвастливо; онъ вынулъ кусочекъ губки, зажегъ ее и сталъ поджидать, пока зарядятъ пушку.

— Готово! — командовалъ офицеръ. Сол-

дать поднялъ фитиль, чтобы приблизить къ затравкѣ, но не успѣлъ онъ этого сдѣлать, какъ Антоша проскользнулъ и сунулъ зажженную губку, и выстрѣлъ грянулъ.

Новмѣстѣ съ выстрѣломъ раздался страшный крикъ.

— Ой, ой!—плакалъ Антоша:—больно, больно!—и махалъ рукой.

Солдатъ схватилъ-было его, но увидя, что вспыхнувшій порохъ сильно обжогъ руку Антоши, отпустилъ.

— Впередъ тебѣ наука,—сказалъ онъ,—не суйся, куда не слѣдуетъ, порохъ тебя проучилъ лучше нашего.

Съ плачемъ и стономъ поплелся Антоша домой; руку жгло и ломило, его трясла лихорадка.

Цѣлую недѣлю протрадалъ бѣдный Антоша, да и потомъ еще долго не могъ свободно двигать рукой.

Послѣ такого опыта ему никогда больше не приходило въ голову стрѣлять изъ пушки.

Реполовъ.

Быль у Сони ручной реполовъ, красивый, умненькій, ласковый, всюду за ней леталь и прямо изъ рукъ клеваль зерна и сахаръ. Стоить бывало, позвать: „Люлю, Люлю!“—и онъ ужъ тутъ.

Усѣлась разъ Соня строить домикъ изъ картъ; но какъ она ни старалась, дѣло не ладилось,—домики валились. Она была дѣвочка настойчивая. „Ужъ добыюсь своего“, думаетъ и снова принимается строить. Осторожно кладетъ карту за картой. Вотъ ужъ удалось выстроить два этажа и покрыть ихъ. Соня принимается ставить третій этажъ.

Домикъ выходитъ красивый,—карты поставлены ровно и она мечтаетъ построить на верху мезонинъ, поставить трубу изъ бумаги и позвать брата посмотреть ея постройку, а тутъ, откуда ни возьмись, явился реполовъ—и

прямо къ ней. При взмахѣ его маленькихъ крылышекъ домикъ покачнулся, и вся постройка разсыпалась.

— Противный!—крикнула Соня въ досадѣ и такъ сильно ударила реполова, что тотъ упалъ.

Она къ нему, а онъ лежитъ съ закрытыми глазами, только ножками подергиваетъ.

Соня въ слезы; подняла бѣдную птичку, ласкается, старается согрѣть,—ничто не помогаетъ.

Соня бросилась къ умывальнику, стала мочить птичкѣ голову водой, старается напоить, но бѣдняжка не двигается и начинаетъ холодѣть.

— Люлю умеръ,—сказала мама, посмотрѣвъ на реполова.

— Мамочка, онъ только-что леталъ,—плачетъ Соня:—развѣ могъ онъ такъ скоро умереть? Мама, онъ, вѣрно, живъ, только ушибся немного, я его не сильно ударила.

— Птичкѣ и этого достаточно,—сказала мама:—надо было беречь такую крошку.

— Я буду беречь его, мама! Пусть только онъ оживетъ.

— Оживить мертвого нельзя,—сказала

мама задумчиво. — Надо было думать объ этомъ, пока птичка была жива, а теперь ничто не поможетъ.

Соня долго согрѣвала птичку и плакала надъ ней, но птичка не ожила, и пришлось ее похоронить. Она выбрала въ садикѣ хорошенькое мѣстечко, завернула реполова въ чистенькую тряпочку, положила въ деревянный ящикъ изъ-подъ грифелей и попросила садовника похоронить.

Нѣсколько дней Соня плакала, сидя подлѣ могилы убитаго ею Люлю. Чтобы утѣшить ее, мама купила ей снова реполова, такого же хорошенькаго, но тотъ не скоро привыкъ къ ней, и Соня долго вздыхала и утирала слезы, вспоминая о своемъ миломъ Люлю.

Пр о л а к о м и л ь .

Когда Ваня и Одея въ первый разъ отправились въ школу, мама каждому изъ нихъ дала по пятнадцати копеекъ.

— Каждую недѣлю вы будете получать по стольку же, — сказала мама. — на эти деньги вы будете себѣ покупать каждый день зав-

тракъ. Берегите деньги, псмните, что на нихъ придется покупать завтракъ въ продолженіе цѣлой недѣли; не тратьте много заразъ, поняли?

— Поняли, поняли!—кричали дѣти.

Ваня тотчасъ разсчиталъ, что надо тратить каждый день не больше двухъ копеекъ, и покупалъ когда булочку, когда и просто черного хлѣба. Зато онъ могъ подѣлиться съ Андрюшей, у котораго никогда ничего на завтракъ не было.

Ѳедя и не думалъ разсчитывать, онъ рѣшилъ, что на завтракъ можно оставить кусочекъ хлѣба отъ обѣда,—а на данныя мамой деньги лучше купить лакомствъ.

Такъ и сдѣлалъ. Накупилъ лакомствъ, завязалъ въ платокъ и хотѣлъ было угостить товарищей, но прежде чѣмъ дошелъ до училища, все самъ съѣлъ.

Первый день ему и завтракать не хотѣлось, но на слѣдующій день было не то. За обѣдомъ хлѣба оказалось всѣмъ въ обрѣзъ, спрятать было нечего.

„И такъ обойдусь!—подумалъ Ѳедя,—сегодня обошелся же безъ завтрака“.

Дѣйствительно, ему не особенно хотѣлось

ѣсть, когда всѣ принялись завтракать; но зато въ слѣдующую перемѣну онъ почувствовалъ такой голодъ, что не выдержалъ и бѣгомъ пустился домой.

Засталъ онъ дома мать у шкафа съ провизіей.

„Вотъ кстати“, думаетъ.

— Мамочка, милая! — сталъ онъ просить, — дай мнѣ кусочекъ хлѣба.

— А гдѣ же твои деньги? — спросила мать.

Оедя опустилъ голову.

— Вѣрно пролакомилъ все? — Нѣтъ, голубчикъ, ничего не получишь, приучайся къ бережливости, а то ты никогда не приучишься ничего беречь.

— Мамочка, буду беречь, только теперь дай поѣсть.

— Нѣтъ, не дамъ! Пусть голодъ тебя научить быть осмотрительнымъ; до воскресенья ни копейки не получишь.

Оедя заплакалъ.

— Нечего плакать, самъ виноватъ.

Такъ мать и не дала.

Всѣ остальные дни этой недѣли Ванѣ пришлось дѣлить свой завтракъ на три части, и всѣмъ такъ было мало, что пришлось

довольствоваться небольшимъ кусочкомъ чернаго хлѣба.

Одея хорошо понялъ, что тотъ, кто небрежливъ, обижаетъ не одного себя.

С п е с ь.

Отецъ Тани и Лидочки былъ богатъ. Онъ жилъ въ большомъ красивомъ городѣ. Изъ этого города пришлось ему переѣхать со всѣмъ семействомъ въ небольшой городокъ. Таня скоро привыкла къ небольшимъ некрасивымъ улицамъ городка, но Лидочка никакъ не могла забыть чудной столицы.

— Какъ все тутъ бѣдно и некрасиво,—говорила она, глядя изъ окна на улицу,—домишки маленькіе, фонари еле горятъ, а лавчонки то какія дрянныя!

— Зато сады хороши,—замѣтила Таня,—я очень люблю цвѣты и деревья.

— А по-моему, красивые дома лучше твоихъ цвѣтовъ. И дѣти тутъ скучныя,—про-

должала Лидочка недовольнымъ голосомъ,— и поиграть не съ кѣмъ.

— А Надя, дочь нашего сосѣда? Она милая дѣвочка.

— Что въ ней хорошаго? И одѣта она плохо; у насъ Петербургѣ дѣти рабочихъ одѣты лучше, чѣмъ она.

— Какое намъ дѣло до ея платья!—сказала Таня,—она такая умненькая и веселая, съ ней и не соскучишься.

— Да вотъ она идетъ, вѣрно, къ намъ,—сказала Лидочка,—видишь, кланяется, уйду поскорѣе и сяду читать.

Таня побѣжала навстрѣчу Надѣ, а Лидочка ушла въ другую комнату.

— Гдѣ ваша сестра?—спросила Надя.

— Она занимается въ своей комнатѣ,—отвѣтила Таня.

— Она гордая, не хочетъ съ нами играть.

— Нѣтъ, она очень добрая, только не скоро знакомится.

— Ну и пусть сидитъ одна, а мы станемъ играть; посмотрите, какую я интересную игру принесла.

И Надя разложила передъ Таней нѣсколькокартонныхъ рыбокъразныхъцвѣтовъ,

достала двѣ удочки и стала объяснять, что въ эту игру играютъ такъ же, какъ въ бильяры, только кто вытянетъ рыбу крупнѣе, тотъ больше выиграетъ.

— Отлично! — сказала Таня, — у меня есть конфеты, давайте играть въ нихъ. Лида, Лида! — позвала она, — иди скорѣе сюда, давай играть.

— Не мѣшай, я читаю, — отвѣчала капризно Лидочка.

Сѣли дѣвочки играть вдвоемъ, но къ нимъ скоро явились еще двѣ сосѣдки и два гимназиста, и игра пошла еще веселѣе. Лидочкѣ тоже очень хотѣлось поиграть съ ними; но какъ это сдѣлать послѣ того, какъ она такъ важно отказалась? Такъ и просидѣла она одна до чая, который, какъ нарочно, въ этотъ день подали гораздо позднѣе обыкновеннаго.

С а н к и.

Сережа получилъ отъ отца въ подарокъ большого козла, на которомъ можно было ѣздить верхомъ, какъ на лошади. Маль-

чикъ былъ очень радъ,—кормить, ухаживаетъ за своимъ Васькой, чешетъ его кудрявую шерстку, самъ сѣдлаетъ его и важно катается вокругъ своей фабрики.

— Позволь мнѣ покататься на Васькѣ,— просить его кто-нибудь изъ товарищей,— позволь только одинъ разъ проѣхаться по улицѣ.

Особенно маленькій Костя чуть не со слезами просилъ Сережу; но тотъ былъ недобрый мальчикъ, думалъ только о себѣ и не хотѣлъ никому сдѣлать удовольствія.

— Хочешь кататься, такъ купи себѣ козла,—сказалъ онъ грубо,—только едва ли твой отецъ найдетъ такого, какъ мой Васька, вѣдь онъ ученый, все понимаетъ.

— Только разокъ!...—просить Костя.

— Ну, нѣтъ, я самъ люблю кататься и никому не дамъ Васьки.

Сказалъ и сталъ вертѣть Ваську то въ ту, то въ другую сторону и дразнить Костю, разѣзжая передъ нимъ.

Товарищи перестали просить Сережу и оставили его въ покоѣ.

„Пусть себѣ разѣзжаетъ“,—сказали они.

Прошло лѣто, прошла и осень; зима бѣлымъ ковромъ покрыла поля, хруститъ снѣгъ подъ ногами; весело катаются съ горъ на салазкахъ мальчики, о козлѣ Васыкѣ совсѣмъ забыли; на козлѣ въ холодъ не выѣдешь.

Играють разъ дѣти въ снѣжки; вдругъ мчится маленькая лошадка, запряженная въ легкія санки, въ нихъ сидитъ мальчикъ и ловко правитъ своимъ конькомъ.

— Кто это?—закричали всѣ мальчики разомъ.

— Да это Костя,—говоритъ Сережа.

— Костя, покатай насъ!—просятъ всѣ.

Тотъ придержалъ лошадку и кричитъ весело:—кто первый подоспѣетъ, того и покатаю.

Сережа перегналъ всѣхъ, и хочетъ вскочить въ сани.

— Нѣтъ, погоди,—говоритъ ему Костя,—купи себѣ лошадь и катайся.

Всѣ засмѣялись. Одея, подбѣжавшій вслѣдъ за Сережей, впрыгнулъ въ сани, раскланивается со всѣми, а Костя кричитъ Сережѣ:

— Я покатаюсь и съ тобой, только съ послѣднимъ.

Сережа надулся и отошелъ, издали поглядывая на быструю лошадку и хорошенькія санки.

Чужое добро.

Тимоша и Коля играли въ садикѣ отца Тимоши. Они прятались другъ отъ друга въ кусты, бѣгали въ перегонки и пробрались къ самому забору, который отдѣлялъ ихъ садикъ отъ большого фруктоваго сада сосѣда.

Тимоша влѣзъ на заборъ и заглянулъ въ садъ.

— Сколько тутъ яблоковъ, Коля!—крикнулъ онъ товарищу,—а сливы-то, сливы какія! Полѣзай скорѣе ко мнѣ, самъ увидишь.

Коля живо вскарабкался, усѣлся на заборѣ, заглянулъ въ садъ, — правда, тамъ было очень много плодовъ и разныхъ ягодъ, а особенно хороши были большія сочныя груши.

— Я въ этомъ году еще ни разу не ѣлъ грушъ, я спрыгну въ садъ и нарву себѣ и тебѣ, сказалъ Коля.

— Нехорошо чужое брать.

— Ты же мнѣ показалъ.

— Смотрѣть можно, а брать—грѣшно.

— Никто не узнаетъ, Тимоша; видишь, какъ тутъ много, я возьму всего четыре груши—двѣ себѣ и двѣ тебѣ, никто не узнаетъ.

— Лучше попроси.

— Вотъ еще! Изъ-за двухъ грушъ не стоитъ просить. Возьму, да и все.

Съ этими словами онъ ловко спрыгнулъ съ забора прямо въ садъ сосѣда и побѣжалъ къ грушевому дереву. Только-что онъ хотѣлъ сорвать спѣлую грушу, висѣвшую на нижней вѣткѣ, какъ чья-то рука легла ему на плечо и строгій голосъ крикнулъ:— „Стой, воришка!“

Коля со страхомъ оглянулся, и увидѣлъ сосѣда.

— Пойдемъ-ка къ отцу, продолжалъ сосѣдъ, схвативъ его за ухо.

—Простите,—бормоталъ Коля,—я хотѣлъ взять только двѣ груши...

— Съ малаго начинаютъ, а кончаютъ крупнымъ воровствомъ... нѣтъ, нѣтъ, пойдемъ къ отцу.

— Простите, никогда не буду!—упрашиваетъ Коля, — я право въ первый разъ... больше никогда...

— Нѣтъ, не прощу.

Съ этими словами онъ вывелъ его изъ сада и отвелъ къ отцу. Отецъ Коли былъ очень огорченъ, когда узналъ, что его сына поймали въ воровствѣ; онъ ничего не сказалъ, но такъ печально посмотрѣлъ на него, что Коля понялъ, какъ дурно онъ поступилъ.

П и с ь м о.

Паша и Любочка сидѣли около своего дома и разговаривали. Въ это время сосѣдъ сапожникъ вышелъ изъ своей лавки и сталъ посматривать кругомъ, какъ будто искалъ кого-то. Увидѣвъ дѣвочекъ, онъ подошелъ къ нимъ.

— Не можешь ли ты, Паша, опустить въ ящикъ это письмо, сказалъ онъ.

— Мама мнѣ не позволяетъ отходить отъ дома,—сказала Паша и солгала.

— Скажи лучше, что не хочешь; но и ты ко мнѣ тоже ни съ какой просьбой не приходи.

— И не приду,—отвѣтила Паша.

— Я отнесу, если хотите,—ласково сказала Любочка.

Сосѣдъ поблагодарилъ и отдалъ письмо. Любочка завернула его въ фартукъ и побѣжала. Вотъ и ящикъ. Она поднимается на цыпочки, одной рукой открываетъ крышку ящика, другой опускаетъ письмо и бѣжитъ назадъ.

— Я опустила письмо!—говоритъ она, входя къ сосѣду.

— Спасибо, милая, если тебѣ что нибудь будетъ нужно, приходи,—сдѣлаю.

Это было великимъ постомъ. Наступила Страстная недѣля; стали обѣ дѣвочки говѣть. На улицахъ сыро, грязно, башмаки у нихъ растрепались, новыхъ мама. до праздника не даетъ; какъ быть? Надо попросить сосѣда починить старые, да поскорѣе, въ одинъ ве-

черъ, а то завтра къ обѣднѣ надо итти. Побѣжали обѣ дѣвочки къ сосѣду, просятъ его починить сапожки, а у него работы много торопится кончить.

Увидѣлъ сапожникъ старые башмаки въ рукахъ у дѣвочекъ и говорить:

— Теперь мнѣ некогда заниматься починкой. Но тебѣ, Любочка, сдѣлаю.

На другой день было такъ грязно, что нечего было и думать итти въ церковь въ худыхъ башмакахъ. Пашѣ поневолѣ пришлось остаться дома.

Гривенникъ

Отецъ Маши башмачникъ. Семья у него большая; восьмилѣтняя Маша старшая изъ дѣтей. Чтобы прокормить семью, башмачнику приходится много работать.

Вся семья была честная и добрая, но добрѣ всѣхъ была Маша.

Кончилъ разъ отецъ красивые дамскіе башмаки и говоритъ Машѣ:

— Отнеси, дочка, эти башмаки госпожѣ Красиковой.

— Надѣнь свои новые сапожки и розовое платьице, сказала мать.

Маша переодѣлась, положила башмаки въ корзинку, надѣла соломенную шляпку съ розовыми лентами и побѣжала.

Г-жа Красикова жила въ прекрасномъ большомъ домѣ. Маша вошла и отдала заказъ.

Отдавая деньги, Красикова подала ей новый гривенникъ.—Это тебѣ,—сказала она.

— Какъ мнѣ?—спрашиваетъ, съ удивленіемъ, Маша,—могу я купить на этотъ гривенникъ, что захочу?

— Да, да, милая.

Маша никогда еще не имѣла столько собственныхъ денегъ. Поблагодаривъ добрую госпожу, она побѣжала домой. Чего только она не придумывала, сбѣгая съ лѣстницы. „Куплю папѣ папирозъ,—думаетъ она,—нѣтъ, лучше куплю для всѣхъ булокъ, у насъ давно не было булокъ къ кофе... а не лучше ли купить молока?“

Вотъ она на улицѣ. На углу стоитъ бѣдная женщина и проситъ милостыню. У ней голова и руки трясутся отъ старости; она не можетъ больше работать и должна просить милостыню.

„Бѣдная!“ думаетъ Маша и останавливается посмотрѣть, подадутъ ли ей прохожіе. Никто не даетъ; кто спѣшитъ, у кого нѣтъ мелочи, а другіе ничего не отвѣчаютъ, и проходятъ мимо.

Старушка плачетъ, она ничего не ѣла со вчерашняго дня. Маша не выдержала и отдала ей свой гривенникъ. „Мама и папа ничего не скажутъ,—думаетъ она,—они сами помогаютъ бѣднымъ“.

Не успѣла она отдать свои деньги, какъ раздался голосъ госпожи Красиковой.

— Дѣвочка, вернись!

Маша оглянулась, видитъ, госпожа Красикова стоитъ у окна и манитъ ее.

Маша сконфузилась, робко вошла въ домъ и сказала чуть не плача:

— Вы сердитесь за то, что я отдала вашъ гривенникъ?

— Что ты, милая, деньги твои, ты можешь дѣлать съ ними, что хочешь, а за доброе дѣло сердиться нельзя. Мнѣ просто хотѣлось знать какъ вы живете, часто-ли ты кушаешь лакомства?

— Лакомства!—сказала съ удивленіемъ

Маша,—да развѣ можно лакомиться, когда такъ дорогъ хлѣбъ.

Отъ МашигоспожаКрасикова узнала, какъ много долженъ работать башмачникъ, чтобы заработать на все необходимое для семьи; узнала, что на Машѣ самое лучшее платье, что часто вся семья ѣстъ только хлѣбъ съ квасомъ, и ласково сказала:

— Хочешь жить у меня? Я буду любить тебя какъ родную дочку, и учить читать, писать и шить... Будешь умница, я стану давать тебѣ чаю, кофе, сахару и говядины для твоихъ, и ты сама все это будешь относить имъ два раза въ недѣлю; а захочешь чаще видѣть ихъ, я буду отпускать тебя еще чаще.

— Хорошо,—говорить весело Маша,—я буду стараться все дѣлать, какъ вы прикажете, только бы у моихъ было всего вдоволь.

— Такъ бѣги же скорѣй домой, а я сама приду переговорить съ твоими родителями.

Маша прибѣжала домой, и долго родители не могли ничего понять изъ ея торопливыхъ словъ.

— Папа, мама!—говорила она,—я отдала гривенникъ бѣдной старушкѣ...—вотъ деньги

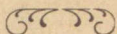
засапожки...и госпожа Красикова хочетъ взять меня въ дочки, а вамъ будетъ давать говядины, чаю, сахару, всего! Я буду все это носить вамъ, все, что сама буду ѣсть, то буду носить и вамъ!

— Стой, дочка!—остановилъ ее отецъ, считавшій деньги,—откуда ты взяла гривенникъ, когда тутъ всѣ деньги?

Не успѣла Маша все рассказать толкомъ, какъ вошла госпожа Красикова, и стала просить башмачника и его жену отдать ей Машу.

Тѣмъ долгонерѣшались разстаться съ дочкой, но узнавъ, что могутъ ее видѣть, когда захотятъ и Маша будетъ ходить къ нимъ, когда будетъ ею довольна госпожа Красикова, наконецъ согласились.

Маша живетъ у госпожи Красиковой. Она полюбила добрую, ласковую даму, но все-таки свою семью любить больше. Каждый день прибѣгаетъ она домой и всегда несетъ или булочку, или лакомство, которое она припрятала для братьевъ и сестеръ. Часто сама не съѣстъ, а отдастъ своимъ. „У меня все есть,—думаетъ она,—и завтракъ сытный, и обѣдъ вкусный, пусть полакомятся“.

Ф а н т ы.

Собрались разъ дѣти и затѣяли игру въ цвѣты. Каждый долженъ былъ выбрать себѣ цвѣтокъ, вскакивать когда его называли, и говорить: „я тутъ!“ Кто не отвѣтитъ, платитъ фантъ, т. е. даетъ какую-нибудь изъ своихъ вещей. Игравшіе знали, что по окончаніи игры за каждый фантъ придется расплачиваться и старались тотчасъ же отвѣчать. Все-таки многіе попались и несли со смѣхомъ кто платокъ, кто ключикъ, кто сережку.

— Я ни за что не попадусь,—говорить Лиза,—не получите вы моего фанта.

И правда, какъ ни старались ее поймать, она всякій разъ вскакивала, когда называли ее цвѣтокъ.

Скоро шляпа дяди Миши была почти полна фантами, а Лизинаго нѣтъ. Она радуется и начинаетъ придумывать разныя наказанія попавшимся подругамъ, да такъ задумалась, что не слыхала какъ назвали ея цвѣтокъ.

Досадно, а нечего дѣлать, надо нести свой фантъ. Всѣ обрадовались: „Лиза попалась, Лиза!“—кричатъ дѣти.

Лиза надулась.

Завязали глаза Лелѣ, посадили ее посреди комнаты, по очереди говорятъ что дѣлать, а Леля при этомъ вынимаетъ чей-нибудь фантъ.

Много было смѣха и шутокъ. Маша проскакала воробьемъ и даже два раза чирикнула. Ваня пропѣлъ пѣтухомъ, при чемъ забилъ локтями какъ крыльями; шалунья Соня рассказала сказку про Бѣлаго бычка, Петя и Митя разносили кофе и сухари. Дина сказала коротенькіе, но хорошенькіе стишки, однимъ словомъ, все шло отлично.

— Чей фантъ выйдетъ, тому чѣмъ быть?—спрашиваетъ Леля.

— Зеркаломъ,—отвѣчаетъ Митя.

— Лизинъ фантъ, Лизинъ фантъ!—кричатъ всѣ, при видѣ платка Лизы, вынутаго Лелей.

— Не хочу быть зеркаломъ,—капризно говоритъ Лиза.

— Назначили—надо итти, говорятъ ей, отказываться нельзя.

— Я не люблю быть зеркаломъ,—ворчитъ Лиза,—это такъ скучно.

— Вовсе не скучно,—замѣчаетъ Митя.

— Придумайте что-нибудь другое,—настаиваетъ Лиза.

— Нельзя перемѣнять! кричатъ всѣ,—только тогда и весело, когда въ игрѣ все исполняется.

Лиза упрячилась и чуть было не разстроила игру; но тетя Маша заступилась за всѣхъ, увела Лизу и посадила возлѣ себя, и всѣ снова принялись играть.

Качели.

Отец повѣсилъ въ саду качели для своихъ сыновей—Гриши и Ёди.

— Качайтесь, — сказалъ онъ имъ, — но не слишкомъ раскачивайтесь, а то доска перевернется и вы упадете.

Мальчики были послушные и разсудительные, и качались осторожно. А весело-то какъ было! Вѣрвкн длинныя, раскачаться можно легко и высоко, словно птички летятъ они въ воздухѣ.

Разъ пришелъ къ нимъ товарищъ, Петруша. Они повели его къ качелямъ.

— Смотри, Петруша, какъ мы высоко качаемся,—сказали они весело.

— Покажите,—говорить Петруша.

Гриша и Одея становятся на концахъ доски, берутся за веревки и начинают раскачиваться. Легкая доска летитъ высоко-высоко, выше молоденькой рябины, растущей недалеко отъ тѣхъ высокихъ березъ, на которыхъ устроены качели.

— Поддай еще!—кричитъ Петруша Оедѣ.

— Не надо,—замѣчаетъ Гриша брату.

— Труссы!—кричитъ имъ Петруша.—Вотъ я вамъ покажу, какъ надо качаться, слѣзайте скорѣй!

Братья сошли съ доски.

— Смотрите,—говорить Петруша, вскакиваетъ на доску и быстро раскачивается,—вотъ какъ у насъ качаются.

Доска летитъ все выше и выше... Одея и Гриша испугались.

— Осторожнѣй,—кричатъ они ему,—доска перевернется и ты полетишь внизъ головой.

Петруша не слушаетъ и продолжаетъ раскачиваться все сильнѣе, кричитъ товарищамъ „труссы“ и хохочетъ.

Но вдругъ онъ зашатался.... Господи, да ему, кажется, дурно!

И прежде чѣмъ успѣли братья вскрикнуть, Петруша выпустилъ изъ рукъ веревки и полетѣлъ внизъ головою... Вотъ онъ лежитъ безъ чувствъ, на пескѣ.

Братья бросились къ товарищу, подняли его, онъ не дышитъ. Гриша остался около несчастнаго Петруши, а Федя побѣжалъ скорѣе домой, крича: „помогите, помогите“!

Петрушу привели въ чувство и вылѣчили, но онъ остался на всю жизнь кривымъ,—при паденіи онъ расшибъ себѣ глазъ.

Не забудеть.

Сема видѣлъ, какъ Алеша таскаетъ овощи изъ огорода Пахома, и говоритъ:—Стыдно брать чужое, отдай сосѣду, а то скажу твоему тяткѣ.

—Смотри лучше за собой,—крикнулъ ему Алеша въ отвѣтъ,—нечего другихъ учить.

— Какъ знаешь,—замѣтилъ Сема, я все равно расскажу.

Алеша испугался, бросилъ все набранное въ огородѣ и ушелъ.

На слѣдующее утро Сема входитъ въ классъ, а учитель на него и не смотритъ, и лицо у него строгое.

„За что онъ на меня сердится, думаетъ Сема,—я, кажется, ни въ чемъ не виноватъ“.

Собрались ученики, пропѣли молитву, хотя игги на свои мѣста, а учитель и говорить:—Погодите, слушайте, что Сема сдѣлалъ; онъ вчера у сосѣда овощи изъ огорода таскалъ.

Мальчики зашумѣли. Только и слышно: „Какъ такъ!“ „Вотъ ужъ не ожидали! „Такой смирный.“

А Сема стоитъ какъ виноватый, хочетъ сказать что-то, а учитель и не слушаетъ.

— Петръ Ѳедоровичъ... началъ-было онъ.

— Молчи!—сказалъ строго учитель,—не оправдывайся; я самъ видѣлъ все, что ты утащилъ у сосѣда, Алеша мнѣ показалъ. Уходи и садись на послѣднюю скамейку.

Сема только взглянулъ на Алешу, и пошелъ на указанное мѣсто; обидно ему, но

онъ знаетъ, что не виноватъ. Отвѣчаетъ онъ хорошо, дѣлаетъ все, какъ всегда. Учитель на него посматриваетъ съ удивленіемъ.

Настала большая перемѣна. Подходить Сема къ учителю и рассказываетъ ему все, какъ было, такъ при всѣхъ и рассказалъ все.

Алеша сталъ оправдываться, но въ это время вошелъ сосѣдъ Пахома, и говоритъ учителю.—„Видѣлъ я, какъ Алеха горохъ у Пахома рвалъ, да рѣпутаскалъ“.—Нехорошо, Алеша!—говоритъ учитель,—самъ воровалъ, а на другого сваливаешь. Ну, ребята, рѣшите сами какъ его наказать. Ты, Сема, говори первый, онъ тебя обидѣлъ, передъ всѣмъ классомъ осрамилъ.

— Простите его, Петръ Ѳедоровичъ,—говоритъ Сема.

— Какъ такъ?

— Ужъ одного стыда довольно.

—Экійты, Сема!—кричатъ ему мальчики,—ты бы ему задалъ хорошенько, чтобы онъ всегда помнилъ.

— Онъ и такъ этого не забудетъ,—сказалъ серьезно Сема.

Алеша, дѣйствительно, не забылъ; никого онъ такъ не любилъ, какъ Сему, и готовъ былъ итти за него и въ огонь и въ воду.

Дурачекъ Степа.

Въ маленькомъ городишкѣ жилъ убогій старичекъ; съ дѣтства онъ былъ слабъ здоровьемъ, не могъ ничему научиться и жилъ подаянiемъ. Цѣлый день бродилъ онъ по улицамъ, опираясь на толстую палку и ссорился съ мальчишками, которые дразнили его.

Всѣ ребята и подростки знали дурачка Степу, и какъ только завидятъ, окружаютъ и начнутъ дразнить и выводить его изъ терпѣнiя: кто толкнетъ, кто обманетъ, дадутъ пус-

той орѣхъ или бумажку безъ конфеты, скачутъ кругомъ и кричатъ: „Дуракъ, дуракъ! ну-ка, поймай насъ! Да гдѣ тебѣ,—не догонишь“.

Это пристаиванье сердило бѣднаго Степу, онъ грозилъ толстой палкой и гонялся за шалунами, стараясь поймать и прибить.

Больше другихъ приставалъ къ Степѣ Павля Тунинъ. Павля былъ ловокъ, отлично увертывался, бѣгалъ быстрее товарищей и ближе другихъ подходилъ къ Степѣ; онъ думалъ, что тотъ никогда не догонитъ его и онъ всегда успѣетъ убѣжать.

Раздразнилъ онъ разъ Степу и пустился бѣжать. Тотъ гнался за нимъ съ поднятой палкой; вдругъ Павля поскользнулся и упалъ. Не успѣлъ онъ подняться, какъ на него налетѣлъ Степа и принялся его колотить.

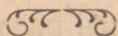
— А, попался!—кричалъ Степа,—вотъ же тебѣ, гадкій мальчишка!—и принялся еще сильнѣе колотить его, несмотря на крики Павли.

На этотъ отчаянный крикъ выбѣжали сосѣди и съ трудомъ освободили мальчика изъ рукъ Степы.

Весь въ синякахъ и царапинахъ, прибѣжалъ Павля домой, охая и плача, не отъ боли, а больше съ досады. Онъ бросился къ отцу и сталъ жаловаться, показывая синяки.

—Побей, папа, Степку,—просилъ онъ,—видишь, какъ этотъ дуракъ избилъ меня.

—Ты самъ виноватъ,—сказалъ ему строго отецъ,—не стыдно ли умному дразнить дурачка и выводить его изъ себя; мы должны жалѣть убогихъ и помогать имъ, а не потѣшаться надъ ними.

Книжечка.

Слушай, Лиза!—говорить Аркаша сестрѣ,—когда прїѣдетъ дѣдушка изъ Петербурга, я постараюсь рассказать ему о себѣ только хорошее и онъ дастъ мнѣ самый лучшій подарокъ.

— Такъ онъ тебѣ и повѣритъ!—смѣется Лиза.

— Вотъ увидишь, я знаю, что ему рассказать!

— А помнишь, что мама сказала: тотъ самъ себя хвалить, кто боится, что другіе не похвалятъ. А если расскажутъ, какъ ты капризничаешь и не слушаешься?

— Ты не смѣешь это рассказывать, мама не велѣла.

— Я и не стану, мама сама можетъ все рассказать.

— Нельзя же огорчать дѣдушку, вотъ я только одно хорошее и расскажу про себя.

— Приѣхалъ дѣдушка; всѣ веселы и довольны. Аркаша такъ и ласкается къ старику.

— Какъ я тебѣ радъ, дѣдушка!—говоритъ онъ, а самъ на чемоданъ поглядываетъ.

— Да ты кого больше ждалъ, меня или подарковъ?—смѣется дѣдушка.

—Ятебяоченьлюблю!—говоритъАркаша.

— Этому я вѣрю, да не знаю только, старался ли ты хорошо вести себя и тѣмъ порадовать меня?

— Ястарался, дѣдушка. Много разъ получалъ я четверки. Учитель хвалилъ меня; не вѣришь, спроси у него самъ, онъ тебѣ скажетъ.

Лиза только поглядываетъ на брата. Она знаетъ, что учитель чаще наказываетъ, чѣмъ хвалить Аркашу. Ей стыдно за брата.

„А что, если дѣдушка узнаетъ правду?“ думаетъ она.

Дѣдушка поглядѣлъ на Лизу и подумалъ: „Вѣрно Лизокъ лѣнится, она сама не своя и покраснѣла вся. Аркаша, должно быть, лучше нея учится“.

— Принесите-ка ваши тетрадки и книжки, сказалъ онъ дѣтямъ.

Дѣти принесли, дѣдушка разглядываетъ ихъ. Но какая разница! У Лизы книга чистенькая, обернута въ бумагу и закладочки вложены въ нее. Аркашина вся въ кляксахъ, испачкана, переплетъ разорванъ.

— А сестра-то, должно быть, аккуратнѣе тебя, сказалъ дѣдушка. Ну, почитай, посмотримъ, кто изъ васъ лучше читаетъ.

Аркаша покраснѣлъ и принялся читать неясно, путался, гдѣ слово пропустить, гдѣ на точкѣ не остановится, гдѣ все слово невѣрно прочитаетъ.

Чѣмъ дальше слушаетъ дѣдушка, тѣмъ становится недовольнѣе.

— Какъ же это учитель тебя хвалить, — говоритъ онъ красному отъ стыда Аркашѣ. Теперь твоя очередь, — обращается онъ къ Лизѣ.

Та скромно беретъ книгу; читаетъ не торопясь, съ толкомъ и внимательно. Дѣдушка очень доволенъ, цѣлуетъ ее и говоритъ:

— Ну, выбирай себѣ въ подарокъ что хочешь.

Дѣдушка открылъ чемоданъ, въ которомъ были и книги, и перочинные ножи, и пеналы, и красивыя ручки для перьевъ.

У Лизы глазки разбѣжались. Она взяла самую красивую книгу, да поглядѣла на заплаканные глаза брата и уступила ее ему.

Отличилась.

. Маленькая Леля цѣлый годъ училась музыкѣ и могла уже разыгрывать маленькія пьески. Учитель былъ очень доволенъ, хвалилъ ее и говорилъ:—„будешь стараться, скоро научишься хорошо играть“.

Леля думала, что она и теперь уже играетъ не хуже учителя, и стала просить маму позволить ей сыграть при гостяхъ.

—Нѣтъ,—улыбнувшись, отвѣтила мама, —гостей не слѣдуетъ угощать плохой музы-

кой; ты сдѣлала большіе успѣхи въ этомъ году, но не можешь еще играть при постороннихъ. Помни поговорку: „поспѣшишь, людей насмѣшишь“.

— Но, мама, въ послѣдній разъ учитель очень хвалилъ меня, когда я ему играла новую пьесу.

— Хорошо для перваго раза, но вѣдь ты ее не знаешь наизусть.

„Мама неправа, — подумала Леля, — она не такъ хорошо знаетъ музыку, какъ мой учитель, и несправедлива ко мнѣ. Непремѣнно попробую сыграть при гостяхъ“.

Собрались разъ гости. Леля подсѣла къ своей любимой тетѣ Надѣ и принялась рассказывать, какіе она сдѣлала успѣхи въ музыкѣ. Баловницѣ тетѣ Надѣ захотѣлось доставить Лелѣ удовольствіе и она упросила сестру свою, мать Лели, позволить той поиграть.

Леля была очень довольна. Она уже давно приготовила ноты. Быстро подходитъ Леля къ фортепьяно, открываетъ его, ставитъ на пюпитръ ноты, садится и начинаетъ играть.

Но что это? Она такъ спѣшить, что пропускаетъ ноты, ошибается, путаетъ... вотъ она взяла лѣвой рукой не ту ноту, сконфузилась, и чѣмъ дальше, тѣмъ играетъ все хуже.

Какъ ни любить Лелю тетя Надя, но и ей непріятно слышать такую плохую музыку и она шопотомъ совѣтуетъ Лелѣ перестать; остальные смѣются надъ маленькой выскочкой.

Леля совсѣмъ сконфужена и жалѣетъ теперь, что не послушалась маминаго совѣта. Ей вспоминается поговорка: „поспѣшишь,—людей насмѣшишь“.

Черезъ два года она играла такъ хорошо, что тети и знакомые сами просили ее играть и слушали съ удовольствіемъ.

Орѣхъ.

Ксеничка и Паша играли въ садикѣ; онѣ обѣ сразу увидѣли прекрасный спѣлый орѣхъ, и бросились къ нему. Поднялся споръ. Паша говоритъ:—Я первая его увидѣла. Ксеша хочетъ взять, говоря: „я первая подбѣжала“.

Какъ ни спорили, а дѣла рѣшить не могли.

Подошелъ къ нимъ братъ Леша, спросилъ о чемъ онѣ спорять.

Дѣвочки рассказали.

—Бѣгите обѣ по большой аллеѣ въ конецъ сада, говоритъ Алеша, становитесь рядомъ и слушайте; я ударю въ ладоши разъ, другой, а когда ударю третій, бѣгите ко мнѣ; кто скорѣе добѣжитъ, та и получитъ орѣхъ. Только бѣгите осторожнѣй, кто упадетъ, тотъ орѣха не получитъ.

Дѣвочки согласились, добѣжали до конца аллеи стали рядомъ и ждутъ.

Леша хлопнулъ. разъ, другой, третій, и онѣ побѣжали. Ксеничка бѣжитъ скорѣе, опередила сестренку, вотъ уже близко отъ брата, но вдругъ она споткнулась на телѣжку, стоявшую на дорожкѣ и упала.

Паша бѣжитъ дальше и добѣгаетъ до брата, прежде чѣмъ Ксеничка успѣла подняться и стряхнуть песокъ съ платья.

Орѣхъ въ рукахъ Паши, она разбиваетъ его камешкомъ,—зерно крупное, сочное, спѣлое. Ксеничка не спускаетъ глазъ съ него, ей очень хочется получить хоть кусочекъ.

Паша добрая дѣвочка, она дѣлитъ орѣхъ пополамъ и одну половинку даетъ сестрѣ.

Леша цѣлуетъ сестренокъ, набираетъ цѣлую горсть спѣлыхъ орѣховъ и лакомится вмѣстѣ съ ними.

Хомякъ.

Родители Анатоля были люди богатые — и жили въ прекрасномъ имѣніи. Домъ былъ большой, комнаты высокія, свѣтлыя, садъ прекрасный, на балконахъ цвѣты. Родители баловали Анатоля и исполняли всѣ его желанія. Онъ сдѣлался поэтому несноснымъ мальчикомъ, кричалъ и выходилъ изъ себя отъ всякихъ пустяковъ.

Онъ никого не любилъ, никогда не доставилъ никому удовольствія, а сдѣлать непріятное всегда былъ готовъ. Зайдетъ ли крестьянскій мальчикъ во дворъ, Анатолю тутъ какъ тутъ; осмѣетъ, обидитъ его, а то и выгонитъ.

— Пусть попробуетъ разокъ безъ провожатаго притти къ намъ въ деревню, — говорили бойкіе изъ ребятъ, — ужъ мы ему покажемъ себя.

Но Анатолія одного никуда не пускали и безъ воспитателя или стараго дядьки онъ никогда не выходилъ. Иногда онъ слыхалъ угрозы и брань деревенскихъ мальчиковъ, видѣлъ, какъ они показывали ему издали языки и кулаки; но никто не смѣлъ его тронуть, а онъ часто билъ другихъ мальчиковъ и науськивалъ на нихъ дворовыхъ собакъ.

Онъ думалъ, что никто и никогда не посмѣетъ его обидѣть, потому что его отецъ богатъ и помогаетъ крестьянамъ. Крестьянскіе ребяташки дразнятъ меня, но я ужъ проучу ихъ. И онъ приготовилъ хлыстъ.

Но никто изъ мальчиковъ не приходилъ: настало теплое время и они уходили въ лѣсъ и луга.

„Испугались! — думаетъ Анатоль, — не идутъ сюда, такъ я ихъ въ деревнѣ найду!“

Взялъ онъ хлыстъ, ушелъ потихоньку изъ дому и отправился прямо къ деревнѣ. На лугу собрались мальчики и дѣвочки, сидятъ

на корточкахъ вокругъ чего-то, громко разговариваютъ и хохочутъ.

— Ишь онъ какой! — кричитъ самый бойкій изъ ребятъ, Митя.

— Ой, укусить! — взвизгиваетъ дѣвочка.

— А ты осторожнѣй, а то палецъ откусить.

— Ишь какъ огрызнулся, точно звѣрь!

— А то развѣ не звѣрь?

Хотѣлось Анатолю узнать, что за звѣрь у дѣтей, онъ подошелъ къ сидѣвшимъ и увидѣлъ хомяка.

— Гдѣ нашли? — спросилъ онъ.

— Гдѣ? Вѣстимо въ лѣсу нашли, — отвѣчалъ Митя.

— Давайте мнѣ его сюда! — крикнулъ Анатолю.

— Убирайся, вишь что выдумалъ.

— Какъ ты смѣешь мнѣ такъ отвѣчать! — сказалъ Анатолю, — сейчасъ подай мнѣ хомяка, онъ мой, лѣсъ моего отца и хомякъ мой.

— Какъ бы не такъ, такъ тебѣ и отдадимъ.

— Такъ вотъ я васъ!

И Анатолю замахнулся хлыстомъ.

— Не тронь, барчукъ, а то худо будетъ, — сказалъ Митя.

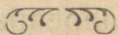
— Такъ я тебя и испугался!

И Анатоль сильно стегнулъ Митю по плечу; тотъ оставилъ хомяка, бросился на злого мальчика и старался вырвать у него хлысть. Остальные ребята испугались и пустились бѣжать.

Анатоль чувствуетъ, что Митя сильнѣе его и, со злости, вцѣпляется въ его руку зубами, да такъ больно, что Митя вскрикнулъ, но все-таки не выпустилъ Анатоля, выхватилъ хлысть и нѣсколько разъ стегнулъ его по спинѣ и плечамъ.

— Вотъ тебѣ!—кричалъ онъ,—попробуй каково быть битымъ.

Анатоль совсѣмъ не помнилъ себя. Какъ только выпустилъ его Митя, онъ бросился на него и принялся колотить изъ всѣхъ силъ. Митя однимъ ударомъ сшибъ его съ ногъ и неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась драка, если бы не подошелъ учитель Анатоля, который гулялъ въ это время. Онъ услышалъ крикъ, увидалъ издали драку и подошелъ узнать, въ чемъ дѣло. Онъ рознялъ дравшихся мальчугановъ, но лицо Анатоля было уже исцарапано и на рукѣ краснѣлъ широкій шрамъ.

Прыжокъ.

Дѣти играли на лугу. Когда надоѣлъ мячъ, они стали придумывать новую игру.

Боря предложилъ прыгать черезъ канаву. Кто дальше прыгнетъ, тотъ будетъ большакомъ: какую онъ игру ни затѣетъ, всѣ должны въ ту игру играть.

— Славно придумалъ Боря!—крикнули всѣ и бросились бѣжать къ довольно широкой канавѣ, вырытой по одну сторону луга.

Принялись прыгать по очереди. Никто не сорвался, каждый перепрыгнулъ, но никому

не удалось прыгнуть дальше товарищей; кто ни прыгнетъ,—станетъ у самаго края канавы.

Дошла очередь до Бори.

— Ну, смотрите какъ я махну!—крикнулъ онъ товарищамъ, разбѣжался, перескочилъ и опередилъ всѣхъ.

— Боря большакъ!—крикнули всѣ и обступили его. Они радовались, что Боря одержалъ верхъ надъ всѣми: онъ былъ хорошій товарищъ, и всѣ очень любили его. Одинъ только Митя сдѣлалъ гримасу. Ему завидно было, что Борю любятъ болѣе, чѣмъ его.

— Стойте!—крикнулъ онъ товарищамъ,—погодите называть Борю большакомъ, я еще не прыгалъ, можетъ, я прыгну еще дальше. Посмотримъ, кто изъ насъ ловчѣе!

Мальчики замолчали. Митя разбѣжался, и сдѣлалъ точно такой же прыжокъ, какъ и Боря: ни дальше, ни ближе.

Пришлось имъ прыгать еще разъ.

Прыгнулъ Митя и опять попалъ на то же мѣсто.

„Какъ бы мнѣ перескочить дальше?“ подумалъ Боря. Онъ собралъ всѣ свои силенки и прыгнулъ такъ, что перескочилъ гораздо

дальше, но не удержался, упалъ и расшибъ себѣ лобъ о камень. Кровь такъ и хлынула.

Товарищибросилиськънему, одинъ только Митя не тронулся съ мѣста и радовался Бориной бѣдѣ.

Это разсердило мальчиковъ, и они не стали больше играть съ нимъ.

Митѣ пришлось уйти. И много веселыхъ игръ переиграли мальчишки, прежде чѣмъ забыли его злую выходку и приняли снова въ свой кругъ.

Коврикъ.

Маруся очень милая, но страшно нетерпѣливая дѣвочка.

Если работа у ней не ладится, она бросить ее, говоря: „Ни за что не выучусь я вязанью, надо начать другое“.

Въ концѣ лѣта, когда яблоки и груши начинаютъ еще только краснѣть, она ходить отъ дерева къ дереву и ахаетъ: „Ахъ какъ долго не поспѣваютъ яблоки, ихъ и не дождешься, каждый день прихожу, а они все еще не поспѣли, скоро и съ дачи переѣдемъ, а они еще зеленые“.

Она беретъ палку, сбиваетъ незрѣлое яблоко и ѣстъ, хотя оно очень кисло. Часто она изъ-за этого бывала больна, а одинъ разъ даже долго пролежала въ постели.

Дадутъ ли ей размотать нитки, она не распутаетъ мотковъ какъ слѣдуетъ, не доберется до начала, спутаетъ все и зоветъ маму на помощь.

Мама только вздыхаетъ, глядя на нетерпѣливую дѣвочку: „всѣмъ хороша у меня дочка,—думаетъ,—а вотъ терпѣнія только у ней нѣтъ“.

— Черезъ двѣ недѣли папины именины, сказала разъ мама. Вышей, Маруся, по этому рисунку коврикъ подъ лампу, папѣ рисунокъ очень понравился.

Маруся тотчасъ принимается за дѣло. Канва размѣрена, шерсти мама дала много, наперстокъ, ножницы, иголка—всѣ есть, одно терпѣніе только не приготовлено.

Начала Маруся вышивать, все идетъ отлично, шьетъ-шьетъ и вдругъ видитъ, что весь узоръ идетъ вкривь. Что за бѣда? Начинаетъ считать,—не размѣрила какъ слѣдуетъ. Распоролла. Опять шьетъ и снова листокъ не на мѣстѣ. Маруся чутъ не плачетъ.

„Никогда не размѣрить мнѣ какъ слѣдуетъ,—думаетъ она, глотая слезы,— всю работу испорчу, а не вышию“...

Мать взглянула на ея работу; видитъ, дѣло плохо, и говорить:

— Одѣвайся, Маруся, пойдемъ со мною.

Маруся обрадовалась, проворно сложила работу, надѣла пальто и шляпу, идетъ съ мамой, но ей всетаки невесело. „Что же будетъ съ подаркомъ папѣ?—думаетъ,—ну, да что дѣлать, не могу“.

Мама входитъ въ часовой магазинъ. Сколько тутъ часовъ развѣшано, разставлено, разложено! И всѣ идутъ, стучать, бьютъ. Маруся даже уши зажала, такъ шумно. У окна сидитъ старичокъ въ очкахъ, а передъ нимъ разложены крошечные колесики, винтики, крючечки, пластинки, пружинки; все такое крохотное, а на колесикахъ трудно разглядѣть зубчики.

— Этовсеигрушечки?—спрашиваетъ Маруся свою маму.

— Нѣтъ, милая дѣвочка,—отвѣчаетъ ей старичокъ,—изъ этого я сложу часы; безъ этихъ маленькихъ вещицъ часы не могутъ итти; надо все собрать, привинтить, смазать масломъ...

— Охъ, какъ это трудно сложить!—гово-

рить Маруся, — вы, я думаю, нѣсколько дней провозитесь, пока все подберете?

— Вотъ если бы вы остались тутъ у меня и не наскучило бы просидѣть часокъ, такъ увидѣли бы, что часы будутъ собраны въ часъ.

— Но это такъ трудно!

— Съ терпѣньемъ да умѣньемъ все можно сдѣлать.

Маруся очень хотѣлось посмотреть, какъ такой старикъ соберетъ всю эту мелочь, и она попросила маму оставить ее у часовщика, пока та пойдетъ за покупками.

Мать ушла, Маруся подсѣла къ старичку.

Онъ тихо и осторожно подбиралъ колесико къ колесику, не торопясь прилаживалъ и пробовалъ могутъ ли они легко двигаться.

Маруся вздохнула.

— Что, скучно? — спросилъ старичокъ.

— Мнѣ не скучно, — отвѣчала Маруся, — но вы такъ медленно работаете, что и въ день не соберете все это.

— Вы, должно быть, нетерпѣливы, барышня; чтобы работа шла хорошо, никогда не нужно торопиться: тише ѣдешь — дальше будешь, говорить пословица. Если не торо-

пясь наладить все, какъ слѣдуетъ, не придется два, три раза дѣлать одно и то же и кончишь скорѣе. Нетерпѣливый спѣшитъ, роняетъ, путаетъ, не разглядѣвъ, начинаетъ привинчивать и только портить.

— А какъ же говорятъ: она такая лѣнивица, у нея работа такъ тихо подвигается.

— Называютъ лѣнвымъ того, кто даромъ тратитъ время; вотъ если бы я потягивался, вставалъ, сидѣлъ ничего не дѣлая, — это была бы лѣнь, а прилаживать какъ слѣдуетъ, совсѣмъ другое, тутъ я думаю, какъ лучше сдѣлать и не теряю времени понапрасну.

Пока старикъ говорилъ, онъ наладилъ уже кое-что, попробовалъ двинуть, колесики двигались хорошо. Съ другой стороны ему пришлось повозиться, что-то не ладилось, но онъ осторожно и неторопливо переставлялъ, передвигалъ и перемѣнялъ все до тѣхъ поръ, пока и она задвигалась.

Черезъ часъ часы были собраны, смазаны, заведены и пошли.

— Ну что, вострушка? — сказалъ старичокъ, — вѣришьтеперь поговоркѣ: тише ѣдешь — дальше будешь. Когда вернешься домой, прочитай-ка басенку про зайца и черепаху,

какъ проворный заяцъ скакалъ изъ стороны въ сторону: то не туда забѣжитъ и вернется, то наткнется на камень и перекувырнется, а черепаха ползла себѣ потихоньку, да раньше зайца къ назначенному мѣсту и пришла.

Маруся стала пробовать, точно ли такъ бываетъ. Принялась она, не торопясь, считать крестики, нашла середину, начала вѣрно. И крестикъ за крестикомъ, не спѣша вышила весь коврикъ, да такъ ровно и хорошо, что папа крѣпко поцѣловалъ ее за красивый подарокъ и положилъ коврикъ подъ лампу въ своемъ кабинетѣ.

Гвоздика.

А вотъ послушайте, что было съ такой же торопыгой Лизой.

Приносить ей разъ папа прекрасный

кустикъ гвоздики, весь въ бутонахъ, и говоритъ:

— Тылюбишьдушистыецвѣты, крошка, — вотъ тебѣ отличная гвоздика, поставь ее на окно, не забывай поливать каждый вечеръ и увидишь, какъ хороши будутъ цвѣты, когда они расцвѣтутъ.

Лиза прыгаетъ отъ радости, благодарить папу, и каждую минуту подбѣгаетъ къ гвоздикѣ.

Какъ только солнце начнетъ садиться, она поливаетъ свой цвѣтокъ изъ красивой маленькой лейки. Вотъ ужъ одинъ бутонъ лопнулъ, и внутри стали видны плотно сложенные лепестки будущаго цвѣтка.

— Няня, няня! — кричитъ Лиза, — гвоздичка у меня будетъ большая, темно-красная, посмотри скорѣй!

— Отличная гвоздика, — говоритъ няня, — такую не вездѣ найдешь.

— Ахъ, какъ хочется поскорѣе ее понюхать, нянечка, она вѣдь чудно пахнетъ.

— Ужъ что и говорить.

На другое утро, лишь только проснулась

Лиза, тотчасъ къ окошку.—Что, няня, расцвѣли?—спрашиваетъ.

—Ишь торопыгакакая,—говорить няня,—скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается.

— Ой, какъ долго! А завтра расцвѣтутъ?

— А кто-жъ ихъ знаетъ, можетъ у нихъ еще не все для цвѣта готово,—смѣется няня.

— Тебѣ смѣшно, нянечка, а мнѣ хочется, чтобы скорѣе расцвѣла гвоздика; завтра у меня Маша будетъ, вотъ бы показать ей.

— У тебя своя дума, а у цвѣтка своя забота.

— Какая забота?

— А цвѣточки растить.

— И что ты няня выдумаешь!

Прошелъ еще день, цвѣты не распустились, а на слѣдующій день только немного раскрылись, да такъ и остались. Лиза не знаетъ что дѣлать. Маша скоро ужъ пріѣдетъ, а эта противная гвоздика и не думаетъ распускаться. Она подошла еще разъ къ цвѣтку и стала осторожно раскрывать зеленые листики бутона, а потомъ и лепестки. И цвѣты какъ будто распустились, только листочки не расправились. Ну, да это ничего, все же цвѣты, и пахнутъ.

— Маша пріѣхала,—позвала няня.

Лиза бросилась навстрѣчу подруги. Началось обниманье, разговоры и веселый смѣхъ. Ведеть она, наконецъ; подругу прямо къ окну.

— Посмотри, что за прелесть!—говорить Лиза, указывая на гвоздику, но Маша ничего хорошаго не видитъ: измятые лепестки съежились, пестики въ цвѣтахъ испорчены и цвѣточки завяли, прежде чѣмъ успѣли распуститься.

Подзорная труба.

Лили была несносная дѣвочка, со всѣми она ссорится, всѣмъ надоѣдаетъ, и всякому готова сдѣлать что нибудь непріятное. И всегда всѣ виноваты, кромѣ нея.

Мало по-малу подруги стали отъ нея удаляться: никому не было охоты постоянно ссориться и спорить. Гулять ли идуť, играли затѣвается, каждый старается быть подальше отъ Лили. И въ гости къ ней не любилиходить. ОднатолькоЮлябылахороша съ ней. Добрая, ласковая, уступчивая, она

умѣла ладить даже съ такой капризной дѣвочкой, какъ Лили.

Вотъ какъ-то разъ пріѣхала Лили въ гости къ Юлѣ на дачу. Застала она ее одну въ большой бесѣдкѣ, изъ оконъ которой видны были и лѣсъ, и деревня, и поля.

Отецъ Юли часто отдыхалъ въ этой бесѣдкѣ и разсматривалъ окрестности въ подзорную трубу, которая лежала тутъ же на столѣ.

Лили увидѣла эту трубу и подбѣжала къ ней.

— Давай, наведемъ ее, — сказала она Юлѣ. — Я такъ люблю смотрѣть въ подзорную трубу, все кажется такъ близко, видна вся деревня, и озеро, и лѣсъ...

— Нельзя, Лили, — сказала Юля, — папа не позволяетъ трогать трубу, надо умѣть наводить ее, а то какъ разъ испортишь; подождемъ пока папа придетъ, онъ самъ наведетъ.

— Вздоръ! — закричала Лили, — я не испорчу, я знаю какъ наводить.

— Нѣтъ, милая Лили, нельзя; папа строго запретилъ трогать трубу.

— Глупости, онъ и не узнаетъ! — и Лили протянула руку, чтобы схватить подзорную трубу.

Юля быстро взяла ее, спрятала въ столъ и заперла на ключъ.

Лили вспылила, стала отнимать ключъ, бранить Юлю, говорила, что она не хочетъ доставить ей никакого удовольствія.

Долго Юля уговаривала свою капризную подругу, предлагая ей разныя игры и книги, но та раскапризничалась и ничего не хотѣла ни слышать, ни видѣть, а только повторяла: „дай мнѣ трубу“.

Лили, видя, что трубу она не получитъ, несмотря на всѣ капризы, совсѣмъ вышла изъ себя и заявила, что сейчасъ уѣдетъ и никогда больше не придетъ къ Юлѣ.

— Ну и уходи!—сказала Юля,—ты не играешь, а только капризничаешь.

Лили взяла свое вязанье, надѣла шляпу и убѣжала, не простясь съ Юлей.

Вся въ слезахъ прибѣжала она къ матери и стала жаловаться.

— Юля меня обидѣла, не дала мнѣ подозрную трубу, жадная она, злая дѣвочка.

—Пока ты не научишься сдерживать себя, и будешь требовать, чтобы дѣлали все по-твоему, у тебя не будетъ подругъ,—сказала мама. И такъ всѣ отъ тебя удалились, а ты не

подорожила дружбой такой хорошей дѣвочки, какъ Юля и сердисься на нее, когда сама кругомъ виновата.

Бѣлый хлѣбъ.

Коля получалъ на завтракъ кусокъ бѣлаго хлѣба, и всегда просилъ мать прибавить ему еще ломоть черного.

„Растетъ, — думаетъ мать, — ѣсть сталъ больше, ну что-жъ, на здоровье!“

Черезъ нѣкоторое время ей показалось, однако, страннымъ, что Коля каждый день просить черного хлѣба. „Неужели онъ съѣдаетъ оба куска, — подумала она, — не шалость ли это?“

Она стала слѣдить за сыномъ и замѣтила, что каждое утро, идя въ училище, Коля заходитъ зачѣмъ то къ сосѣду. Войдетъ на минуту и тотчасъ назадъ, торопится въ училище.

„Зачѣмъ это онъ заходитъ? — думаетъ она, надо узнать“.

Стала она разъюкна и смотритъ къ сосѣду.

Коля вбѣжалъ, поцѣловалъ маленькаго калѣку, сидѣвшаго всегда подъ окномъ, положилъ передъ нимъ свой ломоть бѣлаго хлѣба и убѣжалъ.

У матери на глазахъ выступили слезы радости. „Милый, милый, мой мальчикъ“, подумала она, и ей показалось, что она еще больше полюбила своего сына. „Постой же,—думаетъ она,—я пошучу съ нимъ“.

На слѣдующее утро она даетъ ему одинъ только ломтикъ бѣлаго хлѣба.

— А чернаго, мама!—просить Коля.

— Чернаго нѣтъ.

Коля взялъ бѣлый хлѣбъ и направился по обыкновенію въ домъ сосѣда. Едва онъ взялся за ручку двери, мать окликнула его.

— Поди сюда, дитя мое, вотъ тебѣ ломоть чернаго хлѣба, а то проголодаешься.

Удивленный Коля поспѣшно вернулся къ матери.

— Я знаю кому ты отдаешь свой бѣлый хлѣбъ,—сказала она, обнимая сынишку,—зачѣмъ ты скрываешь это отъ меня?

— Мама, вѣдь въ Евангеліи сказано: „Пусть твоя лѣвая рука не знаетъ, что дѣлаетъ правая“.

— Вѣрно, вѣрно, дружокъ,—сказала радостно мать,—недаромъ говорятъ люди, что добрый сынъ растеть на честь и славу отца и на радость матери.

К о с ц ы.

Саша былъ угрюмый, вѣчно скучающій мальчикъ. Все бывало не по немъ, не по его вкусу. Смотрить искоса, сидить небрежно, никогда не улыбается, никогда никому не услужить и ни въ чемъ не поможетъ. Онъ былъ очень лѣнивъ, никогда ничѣмъ охотно не займется, ничего не доведеть до конца. И скучно же ему бывало, страшно скучно!..

— Не понимаю,—говаривалъ ему учитель,—какъ это ты, Саша, не любишь ни читать, ни играть, ни учиться.

— Все мнѣ надоѣло!—лѣнливо отвѣчаетъ Саша.

— Надо же учиться, такъ не лучше ли дѣлать это съ охотой; чѣмъ внимательнѣе

будешь относиться къ дѣлу, тѣмъ скорѣе полюбишь его.

— Къ чему мнѣ учиться? Папа мой богатъ, у насъ все есть, хватить на всѣхъ.

— А скука?—говорить наставникъ,—ты потому и скучаешь, что никогда ничѣмъ серьезно не займешься. Пойдемъ гулять, смотри, какой чудный день.

Саша заглянулъ въ садъ, лѣниво поднялся съ мѣста, отыскалъ фуражку и неохотно пошелъ съ учителемъ въ поле.

Учитель любовался красиво-извивающейся рѣчкой, слѣдилъ за жаворонкомъ, прислушиваясь къ его звонкой пѣснѣ.

Саша вяло шагаль рядомъ, ему и тутъ было скучно.

Подошли они къ лугу. На одномъ концѣ пестрѣютъ всевозможные цвѣты, другая половина кажется сѣрой, отъ полу-сухого сѣна.

Полдень. Косцы отдыхаютъ, изакусываютъ, сидя подъ копами сѣна. Они ѣдятъ лишь хлѣбъ съ солью и запиваютъ кислымъ жидкимъ квасомъ, но шутки, прибаутки, поговорки такъ и сыплются со всѣхъ сторонъ.

Саша молча глядитъ на нихъ, однако, слушая эти разговоры, улыбается и онъ.

— Видишь, какъ тутъ весело,—сказаль наставникъ.

— Какъ они могутъ веселиться послѣ такой работы, за такимъ плохимъ обѣдомъ?

— А какъ ты думаешь, отчего имъ такъ весело?

— Не знаю.

— Догадаться не трудно: кто прилежно работаетъ, тому всегда на душѣ легко.

Саша вернулся домой, а въ ушахъ его такъ и звенѣлъ веселый смѣхъ отдохавшихъ косцовъ и пѣсни, съ которыми они возвращались домой.

„Попробовать развѣ хорошенько поработать“, подумаль онъ, и на другой же день принялся за уроки, стараясь понять и приготовить ихъ какъ можно лучше.

Вскорѣ онъ сталъ веселымъ, бойкимъ мальчикомъ. Никто не затѣваль такихъ остроумныхъ веселыхъ игръ, какъ онъ, и мало кто смѣялся такъ отъ души, какъ бывшій угрюмый Саша.

Померанцевое дерево.

На зеленой лужайкѣ въ саду стоитъ большой цвѣточный горшокъ, съ померанцевымъ деревомъ Ириши.

Ириша—десятилѣтняя дѣвочка, веселая, шаловливая, ласковая. Она радуется на деревцо, подаренное ей отцемъ въ день рожденія, и очень гордится имъ. Цѣлую зиму простояло деревцо въ теплицѣ. Весной, когда солнышко пригрѣло землю и растенія распустили листочки, Ириша вынесла свое деревцо въ садикъ, поставила его на лужокъ и сказала:

— Тутъ тебѣ лучше будетъ, чѣмъ въ теплицѣ, расти хорошенько, а когда поспѣютъ твои плоды, мы сваримъ изъ нихъ вкусное варенье.

Деревцо какъ будто поняло слова Ириши, черезъ нѣсколько дней выпустило много новыхъ блестящихъ листочковъ и покрылось бѣлыми душистыми цвѣточками. Вскорѣ лепестки опали и показались мелкіе зеленые шарики.

— Это плоды,—сказалъ папа.

— Какіе маленькіе и зеленые!—воскликнула Ириша.

— Подожди немного, солнышко вызолотитъ ихъ.

— Какъ вызолотитъ?

— Такъ же, какъ оно золотитъ бѣлыя сливы; тѣ тоже сначала бываютъ такъ зелены, что не отличишь ихъ отъ листьевъ.

Ириша въ восторгѣ, каждый вечеръ поливаетъ свое милое деревцо и видитъ какъ плоды увеличиваются и начинаютъ желтѣть.

— Скоро будутъ готовы,—говоритъ она весело.

— Подожди, пока будутъ темно-оранжевыми,—замѣчаетъ папа,—тогда и готовы.

Вотъ ужъ и осень на дворѣ. Теплая, тихая, словно оберегаетъ она недозрѣлые плоды померанцеваго деревца, и солнечные лучи стараются помочь деревцу.

Собрались разъ подружки Иришѣ, затѣяли игры въ садикѣ; бѣгаютъ, смѣются, прыгаютъ.

Мама пришла посмотреть на дѣтскія игры, взглянула кстати и на померанцевое деревцо и говоритъ Иришѣ:

— Не забудь внести деревцо въ комнату, осень ужъ поздняя, скоро будутъ по утрамъ заморозки.

— Хорошо, хорошо, мамочка! торопливо отвѣтила Ириша и погналась за подругой.

Вернулась Ириша, а мама ей опять напоминаетъ:

— Смотри же, не забудь внести деревцо въ комнату.

— Завтра непременно внесу его, а сегодня не до него, такъ весело!

— А если ночью будетъ морозъ?

— Ну, ужъ такъ сегодня и морозъ явится.

— Не мудрено, лучше внести раньше, чѣмъ опоздать.

— Хорошо, внесу мама!

Набѣгались, наигрались дѣвочки, разошлись по домамъ, а все еще каждой вспоминается игра, да смѣхъ, да забавы, ужъ очень весело провели онѣ вечеръ.

Ириша забыла о своемъ деревцѣ и вспомнила о немъ только тогда, когда была уже въ постели.

„Завтра успѣю внести!“—подумала она и спокойно заснула.

Просыпается, бѣжитъ въ садъ, посмотрѣть на деревцо. Смотритъ и не узнаетъ его: листья свернулись, плоды повисли.

— Замерзло!—воскликнула Ириша.

Принесла она его въ домъ, ухаживаетъ, поливаетъ, подрѣзаетъ, но ничто не помогло: плоды опали, листья осыпались.

Такъ и пропало бѣдное деревцо.

П о м о щ ь.

Сидитъ Катя и прилежно работаетъ, она должна сегодня же дошить свое платье, чтобы надѣть его завтра въ школу, и потому она такъ торопится.

У Кати всего только два платья: одно мама стираетъ, а другое надѣтое на ней ужъ очень износилось, полиняло, да и выросла она изъ него, и коротко и узко.

Катя работаетъ прилежно, а все еще много дѣла осталось: петельки не выметаны, рукава не вшиты.

„Не кончу!“ думаетъ бѣдная дѣвочка.

Подошла къ окну Таня, подруга Кати и стала звать Катю къ себѣ въ садъ.

— Не могу, Танечка, видишь, сколько мнѣ еще надо сдѣлать, пожалуй, не успѣю до завтра кончить.

— А если знаешь, что не успѣешь, такъ нечего и сидѣть. Пойдемъ!

Катя ничего не отвѣтила, только глазки ея наполнились слезами.

Танѣ стало жаль подруги.

— Не хочешь итти, такъ и я не пойду, лучше помогу тебѣ.

Таня вошла; обѣ дѣвочки принялись за дѣло: одна воротъ обшиваетъ, другая шьетъ рукава. Такъ заработались, что и не разговариваютъ, только иголки поскрипываютъ.

Не успѣло еще стемнѣть, а платье было уже готово.

Катя обняла и крѣпко поцѣловала Таню, которая была довольна не менѣе подруги и обѣ дѣвочки побѣжали въ садъ.

Прошло нѣсколько недѣль. Отецъ говоритъ Катѣ:

— Завтра мы поѣдемъ къ дядѣ Семену Ивановичу; онъ зоветъ насъ къ себѣ кушать вишни; у него нынче урожай!

Катя тотчасъ вспомнила о Танѣ и такъ просила маму взять подругу, что та согласилась.

— Нельзя, жена,—сказалъ отецъ,—и такъ насъ много, Савраскѣ будетъ трудно везти.

— Папочка, мы будемъ сходить, когда придется ѣхать въ гору, просить Катя.

— Что это тебѣ вздумалось пригласить Таню? спросилъ отецъ.

Тогда Катя рассказала, какъ Таня помогла ей кончить платье.

— Ну если такъ,—отвѣтилъ отецъ,—бѣги къ Танѣ, скажи, что и она завтра съ нами поѣдетъ.

Тюрлюютюшки.

Отецъ Аркаши и Толи хотѣлъ, чтобы они учились рисованію и ходили для этого въ воскресную школу.

Толя былъ очень доволенъ, а Аркашѣ не хотѣлось ходить туда.

— Зачѣмъ это, мама?—спрашивалъ онъ недовольно,—и такъ всю недѣлю учишься, а тутъ еще по воскресеньямъ ходи рисовать!

— Это очень пріятное занятіе,—говорить мама,—научишься рисовать, поѣдемъ на дачу, все что тебѣ понравится ты сможешь тогда нарисовать, а кто знаетъ, можетъ и еще на что нибудь пригодится это знаніе.

— Никогда я не буду художникомъ, а такъ рисовать не стоитъ.

— Какъ хочешь, мой другъ, не пожалѣй только потомъ.

Все это пустяки—думаетъ Аркаша, такъ однѣ тюрлюютюшки.

Толя сталъ прилежно заниматься рисованіемъ и скоро такъ полюбилъ это занятіе, что самое пріятное время проводилъ онъ по воскресеньямъ въ школѣ. Мало-по-малу научился онъ писать портреты, и Аркаша не разъ засматривался на рисунки брата, и выпрашивалъ ихъ у него.

Отецъ ихъ былъ богатый купецъ, и Толя рисовалъ для удовольствія; но дѣла отца пошли плохо и онъ наконецъ совсѣмъ разорился.

Мальчики видѣли, какъ часто плакала мать, какъ отецъ грустно отвертывался, чтобы не видѣть ея горя.

— Папа,—сказалъ Толя, мнѣ предлагаютъ писать портреты, за которые обѣщаютъ хорошо платить. Вѣдь то, что я заработаю у насъ не могутъ отнять?

Отецъ молча пожалъ ему руку. Аркаша очень жалѣлъ, что ничѣмъ не можетъ помочь отцу. И онъ далъ себѣ слово, какъ можно лучше учиться, окончить университетъ и помогать семьѣ, а пока?

Пока учился Аркаша, Толя поддерживалъ всю семью, а потомъ они оба стали работать вмѣстѣ.

Аркаша часто вспоминалъ, какъ онъ въ дѣтствѣ называлъ рисованіе тюрлютютюшками, а оно-то и помогло ему окончить свое ученье.

А когда онъ поѣхалъ въ Сибирь изучать тамъ ботанику, опять ему пришлось пожалѣть, что не умѣетъ рисовать; хотя съ нимъ былъ художникъ, но онъ не могъ изобразить все такъ хорошо, какъ сдѣлалъ бы онъ самъ, зная, что именно надо подробнѣе нарисовать.

Проказникъ.

Павлуша былъ большой шалунъ, онъ очень любилъ испугать кого-нибудь, обмануть шутя. То вымажетъ себѣ лицо ягодами, идетъ и плачетъ, какъ будто отъ боли. Мать испугается, обмоетъ ему лицо холодной водой, а онъ смѣется.

Иногда подниметь на улицѣ такой крикъ, что всѣ сосѣдивыбѣгутъ изъ домовъ, думаютъ, не случилось ли чего, а ему только смѣшно.

— Оставь свои глупыя шутки, говорили ему, не пугай людей напрасно, а то плохо будетъ. Если случится что съ тобой—никто не пойдетъ на помощь.

А Павлуша думаетъ: „что-же можетъ со мною случиться? а пугать всѣхъ вѣдь такъ весело.“

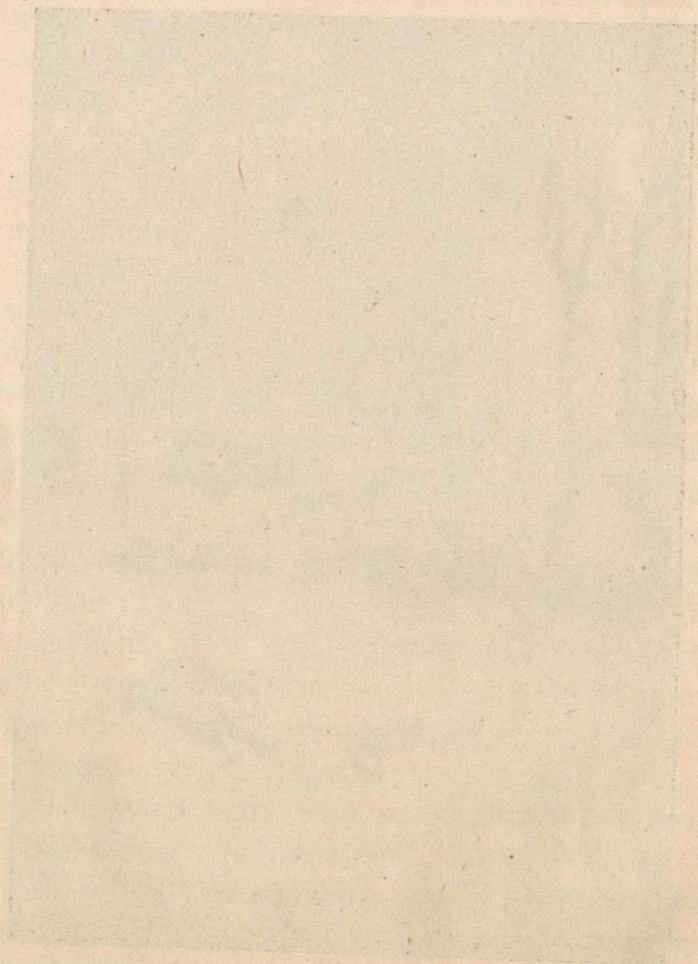
Увидѣлъ онъ разъ большую собаку. Захотѣлось ему запрячь ее въ санки, и пустился онъ за ней съ веревкой. Собака отбѣжала, остановилась и заворчала. Онъ къ ней. Собака оскалила зубы. Павлуша не испугался и накинулъ ей на шею веревку, а собака бросилась на него, повалила, стоитъ надъ нимъ и не пускаетъ. Голова громадная, зубы страшные, прижала мальчика лапами такъ, что онъ и шевельнуться не можетъ.

Павлуша испугался не на шутку и сталъ громко звать на помощь.

Сосѣди слышали его крикъ, но никто изъ нихъ не вышелъ. „Опять,—думаютъ,—дурить нашъ проказникъ. Нѣтъ, больше насъ не надуетъ, пусть себѣ кричитъ“.

Розантин

Такъ и пришлось бѣдному Павлушѣ лежать, пока какой-то прохожій подошелъ и отогналъ собаку.

Отъ испуга Павлуша заболѣлъ и двѣ недѣли пролежалъ въ постели. Теперь онъ понялъ, какъ для человѣка можетъ быть вреденъ испугъ.

Камешекъ.

Миша и Яша любили бѣгать на гору и бросать оттуда внизъ камешки. Каждый старался бросить какъ можно ловчѣе и дальше; они и не думали о томъ, что камень можетъ попасть въ кого-нибудь и ушибить, имъ до этого не было никакого дѣла. Чѣмъ дальше летѣлъ камень, тѣмъ веселѣе было мальчикамъ.

Разъ какъ-то они забрались на гору, и стали бросать камни, а внизу въ это время пастухъ гналъ стадо овецъ.

— Погоди бросать камни,—сказалъ Миша,—дай пройти баранамъ, а то попадешь въ нихъ.

— Вотъ еще,—отвѣтилъ Яша,—всѣхъ барановъ не переждешь. Смотри, сколько ихъ!

да и камешекъ совсѣмъ маленькій, если и попадетъ въ барана, то только испугаетъ его.

— Смотри, Яша, съ высоты камень сильно бьетъ, лучше подожди.

Яша не послушался, размахнулся, и ловко пустилъ камень, который съ такой силой ударилъ по головѣ одну изъ овецъ, что убилъ ее.

Мальчики, видя что дѣло плохо, пустились бѣжать, но пастухъ видѣлъ, кто бросилъ камень, и науськалъ на Яшу свою овчарку. Овчарки,—большія, сильныя и умныя собаки, онѣ и съ волкомъ справляются. Собака схватила Яшу за рукавъ и не выпускала его, пока не подошелъ пастухъ.

Яша плакалъ, просилъ прощеніе.—Отпусти,—дяденька, я никогда больше не буду бросать камней въ овецъ, говорилъ онъ.

— Актомнѣ заплатитъ за убитую овцу?—спрашиваетъ пастухъ.—Я самъ долженъ заплатить хозяину. Я лгать не стану! Вечеромъ приду къ твоему отцу и все расскажу.

Яша очень боялся своего строгаго отца, но еще больше боялся того, что отецъ заплатитъ за овцу изъ тѣхъ денегъ, которыя отложилъ для покупки ему новаго кафтана. Объ

этомъ новомъ кафтанѣ онъ уже всѣмъ разсказалъ, а старый весь изорвался.

Отъ страха Яша еле добрался до дому и поскорѣе забрался на печку. Ему даже и ѣсть не хотѣлось.

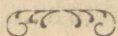
— Боленъ ты, или нашалилъ?—спросилъ строго отецъ.

Видя, что дѣло плохо, Яша сознался во всемъ отцу. Лицо у него было такое испуганное и жалкое, что отецъ только побранилъ его и простилъ.

„Все равно надо купить барана къ ярмаркѣ“,—подумалъ онъ.

Обрадовался Яша, обѣщалъ, что никогда больше не станетъ бросать камни, но не утерпѣлъ,—на другой же день забрался съ Мишей на гору и принялся за прежнюю игру. „Буду осторожнѣе, —думаетъ онъ,—подожду бросать, если увижу кого“.

А отецъ Яши какъ разъ въ это время проходилъ полемъ, увидѣлъ на горѣ ребятъ, и поймалъ ихъ на мѣстѣ. Разсердился онъ на сына и не купилъ ему кафтана. Такъ и пришлось Яшѣ сидѣть дома. Только вечеромъ могъ онъ выйти на улицу въ рваномъ кафтанишкѣ.

Р о з ы.

Выбѣжали разъ дѣти толпой изъ школы, остановились на дворѣ, и стали придумывать, что бы подарить учительницѣ въ день ея именинъ.

— Она ничего не возьметъ,—говорить одна изъ старшихъ ученицъ,—я три года учусь, а ни отъ кого еще сна ни разу не приняла подарка.

— Споемъ ей хоромъ,—говорить Зина.

— Ну, что это за поздравленіе! Она же насъ и пѣть научила; да безъ музыки, пожалуй, ничего не выйдетъ.

— Я знаю,—сказала Дуня,—купимъ большую просфору и подадимъ вынуть за ея здоровье.

— Оглично,—кричатъ всѣ.—Я даю три копейки, я одну, я двѣ..

Фрося стоитъ, грустно опустивъ головку; у нея нѣтъ денегъ, а мама, бѣдная, работаетъ изъ всѣхъ силъ и едва можетъ зарабатывать на самое нужное.

Пришла Фрося домой невеселая, но вдругъ увидѣла на окнѣ свой розанъ весь въ цвѣту и улыбнулась.

„Вотъ что я отнесу учительницѣ,—подумала она, нюхая розы,—она такъ любитъ цвѣты“.

На другой день утромъ Фрося пошла вмѣстѣ со всѣми въ церковь и когда другія дѣвочки брали просфору, она сбѣгала домой, срѣзала всѣ распустившіяся розы, сдѣлала букетикъ и понесла учительницѣ.

Дѣти уже всѣ въ училищѣ, подносятъ просфору. Учительница благодарить ихъ и зоветъ пить кофе. Фрося тоже подаетъ ей свой букетъ.

— Какіе чудные цвѣты!—говоритъ учительница,—гдѣ ты взяла ихъ? Неужели это съ твоего розана, о которомъ ты мнѣ говорила?

Фрося только головкой мотнула.

— И тебѣ не жаль было срѣзать ихъ?—спрашиваетъ учительница.

Я—люблю васъ и розанъ люблю,—гово-

рить застѣнчиво Фрося,—и рада дать вамъ то, что люблю.

На Бога надѣйся, а самъ не плошай.

Кто уронилъ и разбилъ чашку?—Витя.

Кто дразнить собаку?—Витя.

Кто бросилъ мячъ подъ ноги прохожему?—Витя.

Кто мѣшаетъ играть въ бабки дѣтямъ или заниматься уроками?—Витя. Вездѣ и всюду Витя.

Сидитъ разъ Витя и горько плачетъ.

— Что съ тобой?—спрашиваетъ его старшая сестра.

— Никто меня, Маша, не любитъ; всѣ меня гонять, никто со мною играть не хочетъ.

— Зачѣмъ же ты всѣмъ надоѣдаешь?

— Да ужъ я такой и не могу быть другимъ.

— А ты постарайся исправиться.

— Не могу, Маша, такъ вотъ и хочется нашалить.

— А ты постарайся не дѣлать этого. Помолимся вмѣстѣ Богу, а я тебѣ помогать буду; какъ дерну за рукавъ, ты и вспомни, что не надо этого дѣлать. Вотъ, послушай, какіе хорошенькіе стишки мнѣ дали выучить.

Молись, дитя! Тебѣ внимаетъ
Творецъ безчисленныхъ міровъ,
И капли слезъ твоихъ считаетъ,
И помогать тебѣ готовъ.

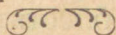
Молись, дитя, мужай съ лѣтами
И дай Богъ въ пору позднихъ лѣтъ
Таковыми-жъ свѣтлыми очами
Тебѣ глядѣть на Божій свѣтъ.

— А мнѣ не свѣтло, а тяжело,—говорить жалобно Витя.

— Ты только постарайся лучше вести себя и будешь очень хорошимъ.

Витя сталъ во всемъ слушаться Машу. Она съ нимъ и уроки готовила, и за рукавъ его дергала, когда онъ шалилъ, и молиться вмѣстѣ съ собою заставляла.

Понемножку Витя исправился, и теперь сталъ совсѣмъ хорошимъ мальчикомъ.

Снѣжки

Лиза зашла разъ за своимъ сосѣдомъ, маленькимъ Федей, и звала его въ садъ, играть въ снѣжки. Вчера былъ сильный морозъ и вьюга, а сегодня солнышко такъ ярко свѣтитъ, что больно глядѣть на снѣгъ. Однако, матери заставили дѣтей одѣться потеплѣе; на Лизѣ теплое платье, мѣховая шапочка и муфта. Федѣ надѣли теплые сапоги и рукавицы и оба весело побѣжали въ садъ.

— Не ходите къ пруду,—кричитъ имъ вслѣдъ Фебина мама,—ледъ еще некрѣпокъ, провалитесь!

— Не пойдемъ, не пойдемъ!—отвѣчаютъ на бѣгу дѣти.

Хорошо въ саду! На деревьяхъ ледяныя сосульки такъ и блестятъ на солнышкѣ,

снѣгъ бѣлый и твердый, комки выходятъ отличные. Дѣти весело смѣются и бросаютъ другъ въ друга снѣжками.

Гоняясь другъ за другомъ, прибѣжали они къ пруду. Одея не утерпѣлъ и пошелъ пробовать, крѣпокъ ли ледъ.

— Не ходи!—говорить ему Лиза,—провалишься.

Но Одея постучалъ носкомъ, потомъ каблучкомъ—ледъ твердый. Онъ спустился и сталъ бѣгать.

— Иди сюда! кричитъ онъ Лизѣ,—вчера морозъ хорошо заморозилъ, кататься отлично.

И онъ снова сталъ скользить по гладкому льду.

Лиза тоже побѣжала къ Оедѣ.

Вотъ уже они оба скользятъ, держась за руки и весело смѣются. Вдругъ—трахъ!—затрещалъ ледъ. Дѣти скорѣе побѣжали назадъ, но не успѣли они добѣжать до берега, какъ ледъ подломился и они провалились по колѣни въ холодную воду.

Хорошо еще, что это было у самого берега.

Выскочили дѣти, бѣгутъ домой, навстрѣчу идетъ мать Оеди.

— Вы, должно быть, въ прудъ провали-

лись?—спрашиваетъ она, видя ихъ обледенное платье.

—Нѣтъ, отвѣчаетъ Одея, — тольковъ снѣгу вывалялись.

Лиза вся вспыхнула, но ничего не сказала, побѣжала скорѣе домой и все рассказала мамѣ. Та раздѣла ее, уложила въ постель, укрыла, напоила теплымъ и на другой день Лиза была совсѣмъ здорова.

А Одея захворалъ, проболѣлъ всю зиму и не пришлось ему быть ни на своей елкѣ, ни на елкѣ у другихъ дѣтей.

Цѣпочка.

Папа подарилъ Петѣ два рубля. Петя рѣшилъ купить себѣ ранецъ.

„Надо выбрать получше и попрочнѣе, — думаетъ онъ, — чтобы ремни были хорошіе“.

Петя ужъ не маленькій онъ гимназистъ третьяго класса, у него и часы серебряные есть.

Петя думаетъ, что его никто обмануть не можетъ. Вотъ и пошелъ онъ безъ товарищей и старшихъ за ранцемъ. „Сумѣю выбрать!“—думаетъ мальчикъ.

Посмотрѣлъ въ одномъ, въ другомъ магазинѣ, все не нравится. Пошелъ онъ дальше, а навстрѣчу ему идетъ торговецъ и спрашиваетъ:

— Не хотите-ли купить золотую цѣпочку?

— Не надо!

— Посмотрите, какая хорошая цѣпочка! и недорого, всего пять рублей.

— Не надо.

— Я за три отдамъ, купите.

— Она не золотая, говоритъ Петя.

— Право, золотая. Вотъ и клеймо.

— Хочешь два рубля,—говоритъ смѣясь Петя,—больше не дамъ.

— Ну, дайте два съ полтиной.

— Не дамъ.

— Такъ берите за два.

Петя принесъ цѣпочку домой и показываетъ отцу. Цѣпочка оказалась не золотая.

„Не все то золото, что блеститъ“,—сказалъ ему, смѣясь отецъ.

Старушка.

Пойдемъ кататься съ ледяной горы,—говоритъ Коля Ванъ.

Ваня только что усѣлся читать; но онъ мальчикъ сговорчивый, радъ всякому доставить удовольствіе,—онъ тотчасъ же отложилъ книгу, и весело отвѣтилъ:

— Пойдемъ!

Надѣли теплые сапоги и шубы, застегнулись поплотнѣе и пошли къ ледяной горѣ, гдѣ собралось уже много мальчиковъ и дѣвочекъ. Всѣ они весело болтали, смѣялись, хлопали въ ладоши и громко кричали, катясь внизъ.

Въ это время проходила мимо старушка. Она совсѣмъ согнулась подъ своей ношей. На спинѣ она несла большую корзину, въ

каждой рукѣ у нея было по свертку. Подойдя къ горѣ, она поскользнулась и упала.

Дѣтямъ показалось это очень смѣшно и они громкорасхохотались. Одинъ только Ваня испугался и бросился къ ней.

— Что, бабушка, больно ушиблась?—говорилъ онъ, наклонившись къ старушкѣ и помогая ей встать.—Обопрись на мою руку, и вставай.

Старушка поднялась и стала стряхивать съ платья снѣгъ, а Ваня поднималъ корзину и свертки.

—Спасибо, голубчикъ,—говорить старушка,—безъ тебя я не встала бы. Вотъ, свалилась, ноги плохи, а ноша-то тяжелая, да и скользко. На старости лѣтъ приходится своимъ трудомъ внучатъ кормить. Вѣдь они сироты! Помоги-ка, голубчикъ, корзину на спину взвалить.

Какъ ни старался Ваня, никакъ не могъ поднять тяжелой корзины.—Помоги, Коля,—говорить.

— Вотъ еще, стану я возиться и пачкать платье,—отвѣчалъ Коля.

Другіе мальчики, однако, бросились помогать Ванѣ.

— Дружнѣе, — крикнулъ одинъ мальчикъ, — слушайте команды, какъ скажу: ухни! — разомъ подымай, — и онъ запѣлъ:

Эй, дубинушка, ухни!

Всѣ подняли разомъ корзину и взвалили на плечи старушки.

— Спасибо, милые! спасибо, родненькіе! — говорила старушка, направляясь дальше, — спасибо, что помогли бѣдной, старушкѣ.

Какъ-то особенно весело стало всѣмъ, помогавшимъ старушкѣ, и они опять стали кататься.

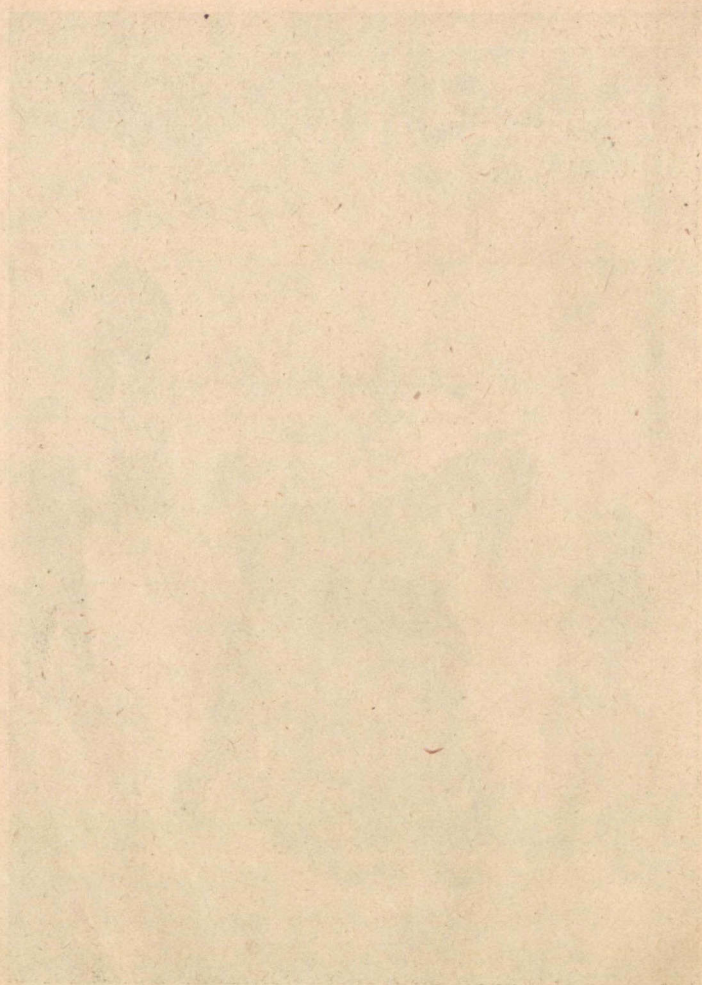
Старушка добралась до большого каменнаго дома, спустилась въ подвалъ и постучалась въ дверь. Ей отворила бѣлокурая дѣвочка и ахнула, увидѣвъ ношу старушки.

— Бабушка, милая, да какъ могла ты пригнать столько! Вырасту, не дамъ тебѣ ничего таскать.

— И то чуть на полъ-дорогѣ не осталась, упала. Да спасибо дѣткамъ, помогли встать. За то ужъ сегодня сытно пообѣдаемъ.

Внучки помогли старушкѣ снять съ плечъ корзину. Старушка сѣла, отдохнула и принялась развязывать одинъ изъ узловъ, изъ котораго достала кусокъ чернаго хлѣба и

кусокъ вареной говядины и положила на столъ.

— Давно говядины не пробовали?—весело сказала она.

— Да, давненько, — отвѣчали дѣвочки, усаживая бабушку и принимаясь за ѣду.

СНѢГОВИКЪ.

Два круглолицыхъ, краснощекихъ мальчика стоятъ у окна и глядятъ на улицу. Пасмурно. Небо покрыто тучами, сильный вѣтеръ такъ и крутитъ снѣгъ, такъ и подымаетъ столбомъ.

— Сегодня ужъ не придется дѣлать снѣгового болвашку, — говоритъ недовольно Паша.

— Должно быть не придется, отвѣчаетъ Сережа.

— Вотъ и сиди дома изъ за этой погоды.

— Снѣжку подсыплеть, сдѣлаемъ болвашку еще больше.

— Тебѣ хорошо, а мнѣ надоѣло сидѣть въ комнатѣ, не знаешь, чѣмъ и заняться.

— Давай готовить уроки и на завтра и на послѣзавтра; завтра, можетъ быть, будетъ хорошая погода, такъ послѣ школы прогуляемъ до вечера.

— Такая погода, что и заниматься лѣнь: спать хочется.

И Паша зѣвнулъ во весь ротъ.

— Полно, Паша, давай займемся, тогда и сонъ пройдетъ.

— Не стану я учиться, — говоритъ Паша. Потянулся и улегся на диванъ.

Сережѣ тоже хотѣлось полежать, но онъ принялся за уроки. Сначала дѣло не ладилося, а потомъ пошло лучше и къ обѣду уроки были уже готовы.

Послѣ обѣда мальчики начали было играть, но на дворѣ вьюга завывала сильнѣе прежняго, и игра не клеилась.

Сережа опять сѣлъ за уроки, а Паша, принялся грызть орѣхи и бросать скорлупу въ топившуюся печь.

Вотъ ужъ и чай подали; сегодня что-то запоздали: скоро девять часовъ.

За чаемъ собирается вся семья, разговариваютъ, шутятъ, смѣются. Незамѣтно проходитъ время до десяти часовъ.

„Теперь поздно готовить уроки,—думаетъ Паша,—пора спать. Завтра встану пораньше и приготовлю“.

Всю ночь злилась вьюга и вылъ вѣтеръ въ трубѣ. Сережа крѣпко заснулъ закутавшись потеплѣе въ одѣяло, а Пашѣ не спалось. Провозился онъ, поворачиваясь съ боку на бокъ, до двухъ часовъ ночи. Можетъ быть, онъ думалъ о неприготовленныхъ урокахъ. Спалъ онъ тоже плохо, часто просыпался, только подъ утро заснулъ покрѣпче, и конечно, проспалъ.

Нечего было и думать учить уроки, прочелъ онъ кое-какъ и бѣжитъ въ гимназію. Учитель спросилъ его, Паша ничего не зналъ, и его оставили въ школѣ.

Такъ онъ и не видѣлъ, какъ соорили товарищи снѣжнаго болванчика.

Свалилась.

Не спѣши, не бѣгай со всѣхъ ногъ, говоритъ, бывало, мать Маришѣ,—но та и не слышитъ; хотя и часто она падала, да все обходилось хорошо.

— Ничего!—говоритъ Мариша, вскочивъ и потирая себѣ локоть, лобъ или колѣнку, и бѣжитъ дальше.

— Будь осторожнѣе, Мариша,—проситъ ее мать,—можешь такъ упасть, что не скоро и встанешь!

„Сколько разъ падала и ничего!—думаетъ Мариша,—только пугаютъ: ничего не можетъ случиться“.

Одѣла няня Маришу потеплѣе и пошла съ ней гулять; а на дворѣ стоялъ морозъ, снѣгъ такъ и хрустѣлъ подъ ногами и было очень скользко. Няня говоритъ ей:

— Смотри, иди осторожнѣе, а то носъ разобьешь!

„Ладно,—думаетъ Мариша,—не первый разъ мнѣ падать, снѣгъ-то мягкій“.

Наканунѣ была оттепель, и снѣгъ былъ, правда, рыхлый; за ночь же подморозило и стало очень скользко. Какъ выбѣжала она на дворъ, да увидала, что дѣти сдѣлали снѣговой болванчикъ, закричала она отъ радости и бросилась къ нимъ со всѣхъ ногъ. А тутъ, какъ нарочно, въ одномъ мѣстѣ вѣтеръ сдулъ снѣгъ,—она поскользнулась, хотѣла удержаться, повернулась, а подъ снѣгомъ лежали кирпичи и она со всего размаха ударилась о нихъ головою.

Няня бросилась къ ней, а Мариша лежитъ, не можетъ встать и изъ раны течетъ кровь.

— Никакъ убилась!—закричала няня.

Сбѣжались къ ней на помощь, подняли Маришу, понесли въ домъ. Кто побѣжалъ за докторомъ, кто за отцомъ, а кто сталъ кровь унимать.

Мариша не скоро пришла въ себя. Оказалось, что она не только расшибла голову, но сломала и руку. Ей сдѣлали двѣ перевязки; очень больно было ей, когда отмывали кровь на головѣ:—волосы слиплись, ихъ подрѣзали,

обрили и рану залѣпили пластыремъ. Всю зиму проболѣла Мариша и просидѣла въ комнатѣ. Только въ окошко могла она смотрѣть, какъ рѣзвились на дворѣ дѣти, играя въ снѣжки и катаясь съ ледяной горы.

Съ тѣхъ поръ въ дурную погоду у Мариши сильно болитъ головка и ей часто приходится лежать.

Обновка.

Сегодня день рожденія Любочки, ей минуло семь лѣтъ. Утромъ она вошла въ спальню поздороваться съ папой и мамой и увидѣла на столѣ прелестное розовое платьице и соломенную шляпку съ цвѣтами.

— Папочка, мама!—закричала она,—неужели это мнѣ?

— Тебѣ, дорогая,—сказали они.—Это мы приготовили тебѣ къ рожденью.

— Ахъ, какое хорошенькое платьице! А шляпка какая! Тутъ и бабочка на цвѣткѣ, ахъ, какъ я рада.

Любочка запрыгала отъ радости покомнатѣ и упросила маму позволить ей надѣть новое платье.

— Я точно принцесса какая!—говорить она, надѣвая шляпку,—ни у кого нѣтъ такого платья и шляпы.

„Въ такомъ платьѣ я не могу играть съ дочерью садовника“, подумала Люба, идя въ садъ. А навстрѣчу ей бѣжитъ Дуня, дочь садовника, съ букетомъ въ рукахъ и говоритъ:

— Поздравляю, дай Богъ счастья!... Да какая же ты нарядная!

Любочка взяла букетъ, даже не поблагодарила ее и говоритъ:

— А на тебѣ старое, полинявшее.

— Его только разъ мыли, — отвѣтила Дуня,—это мое самое лучшее платье, я надѣла его для твоего рожденья; давай играть такъ, чтобъ не запачкаться.

— Я не могу играть съ тобою, — говоритъ Любочка, — на мнѣ нарядное платье, а у тебя старое.

Дуня покраснѣла и пошла, грустно опустивъ головку.

— Такъ ты не можешь играть съ Дуней только потому, что у ней нѣтъ новаго платья? — спросилъ отецъ Любочку.

— Да, папа, посмотри, какая она смѣшная, платье полиняло и коротко, она уже выросла изъ него.

— Такъ отдай ей свое новое.

— Чтоты, папочка! Это платье отдать Дунѣ!

— И отдашь, она умнѣе тебя, не откажется играть съ тобою, когда на тебѣ будетъ надѣто старое, а на ней новое платье.

Какъ ни просила Любочка папу, какъ ни отказывалась Дуня, отецъ заставилъ Любочку отдать ей свое платье.

Шкапикъ.

Уходи, ты не умѣешь играть!—кричить Толя на Андрюшу, сына столяра.

— За что ты сердишься, Толя? Я вѣдь нечаянно уронилъ лошадку, видишь, она опять стоитъ, какъ стояла.

— Говорятъ тебѣ, убирайся.

— Пойдемъ играть со мною, Андрюша,—зоветъ его Оля,—оставь Толю, онъ всегда капризничаетъ и всѣхъ отъ себя гонитъ. По-

моги мнѣ уложить мою Любу, ей пора спать, а мнѣ надо печку затопить и обѣдъ состряпать, не знаю какъ и быть.

— Укачивай Любу, — говоритъ Андрюша, — а объ обѣдѣ не безпокойся, — все будетъ готово, я буду поваромъ.

— Не забудь, поваръ, кашку Любѣ приготовить.

— Будьте покойны, барыня, не забуду.

Андрюша перевернулъ скамеечку, сбѣгалъ къ отцу за доской съ круглыми дырками, положилъ на скамейку, — вышла отличная плита.

Оля стала укачивать Любу и напѣвать ей пѣсенку, а Андрюша нарѣзалъ пряники тоненькими ломтиками, какъ будто это черныи и бѣлыи хлѣбъ. Размочилъ тотъ же пряникъ въ молоко, прибавилъ мелко-изрѣзанное яблоко и вышелъ отличный тортъ. Котлеты были состряпаны изъ большихъ изюминъ; изъ яблочнаго сока вышелъ отличный супъ, а изъ мелко искрошеннаго мятнаго пряника вышла отличная манная каша.

— Пожалуйте, все готово, — говоритъ поваръ, — встала ли барышня?

— Встала и уже одѣлась, — отвѣчаетъ весело Оля, — теперь надо въ комнатѣ прибрать.

— Я помогу,—говорить поваръ,—да что это у васъ, барыня, всѣ вещи въ ящикѣ лежать, развѣ у васъ нѣтъ шкапа?

— Нѣтъ, Андрюша, нѣтъ! Мама хочетъ купить мнѣ.

— Пусть закажетъ моему отцу, онъ дешево сдѣлаетъ.

— Вотъ и отлично!

— Я самъ похлопочу, чтобы было хорошо; внизу сдѣлаемъ два ящика для бѣлья.

Убрали все, сѣли обѣдать, потомъ повезли Любу кататься. Андрюша устроилъ отличныя качели, и дѣти долго качали вмѣстѣ куклу такъ высоко, что она, наконецъ, упала.

На другое утро мама зоветъ къ себѣ столяра, и заказываетъ ему два шкапика—одинъ для Оли, другой для Толи.

Столяръ обѣщалъ принести оба черезъ три дня. На третій день онъ принесъ два шкапика. Но что же это? одинъ шкапикъ лучше, а другой хуже, такой же, какъ и всѣ игрушечные шкапики въ магазинѣ.

— Я заказывала одинаковые,—говорить мама,—а вы сдѣлали разные.

— Для барышни постарался,—говорить столяръ,—ужь очень она ласковая и добрая,

и Андрюшку моего не обижаютъ, играетъ съ нимъ.

А Толя развѣ его обижаютъ?

Толя стоялъ тутъ же, и по лицу его было видно, что столяръ правъ.

Шелковые чулки.

Не нравится мнѣ,—говорила мама,—что Дина такъ любить наряды—только и думаетъ, какъ бы надѣть что получше да поновѣе. Вотъ и теперь ее зовутъ къ Минскимъ на именины Ксени, и она проситъ позволенія надѣть шелковые чулки и тонкіе башмаки.

— Нужно надѣть ей не шелковые, а шерстяные чулки,—говоритъ папа,—да высокіе сапожки, на дворѣ осень, а дѣти не усидятъ въ комнатахъ.

— Папочка, шелковые чулки тоже очень теплые.

— Шерстяные теплѣе и я совѣтую тебѣ ихъ надѣть.

— Папочка, позволь шелковые, они такіе красивые и подѣ цвѣтъ платья.

— Хорошо, надѣвай шелковые, только смотри, сама потомъ не пожалѣй.

Дина нарядилась, причесалась, и вертится передъ зеркаломъ, осматривая себя со всѣхъ сторонъ.

— Посмотри, мамочка, какъ хорошо. Полюбуйся на свою дочку.

— Что любоваться такой глупышкой; развѣ умная дѣвочка будетъ вертѣться передъ зеркаломъ и разсматривать свои банты?

Пошла Дина въ гости и радуется, что она наряднѣе всѣхъ: ни у кого нѣтъ шелковыхъ чулокъ, всѣ въ шерстяныхъ, и сапожки у всѣхъ простые, кожаные.

Полюбовались и другія дѣти нарядомъ Дины, но скоро стали придумывать разные игры.

— Давайте играть въ горѣлки, — говорить Ксения.

— Отлично, — кричатъ дѣти, — въ саду теперь очень хорошо!

И всѣ побѣжали въ садъ, надѣвъ на голову и на плечи теплые платки.

Дина осторожно покрылась, чтобы не измять волосъ и бантовъ на платьѣ; зато и горѣла она ежеминутно: ее все время ловили за падавшій съ головы платокъ.

Дѣтямъ стало жарко отъ бѣготни, щечки у нихъ покраснѣлись; одна Дина посинѣла и ноги у нея отъ холода совсѣмъ замерзли.

— Посиди въ комнатѣ, согрѣйся,—говорить ей мать Ксени.

Динѣ пришлось уйти въ комнату и просидѣть тамъ, пока остальные подружки играли въ саду; а тѣ до того разбѣгались, что только къ чаю вернулись въ комнаты, а послѣ чая всѣ разѣхались по домамъ.

Э т о я!

Кѣмъ я буду больше доволенъ,—говорить своимъ сыновьямъ г. Любинъ,—тому я подарю эту книжку.

Глаза у мальчиковъ заблестѣли. Каждому изъ нихъ хотѣлось получить книгу, въ ней

было много рисунковъ, а самъ разсказъ былъ еще лучше картинокъ. Они знали, что книга стоитъ очень дорого и отецъ не могъ бы купить ее, но ему прислалъ ее въ подарокъ самъ писатель. Особенно хотѣлось получить ее Костѣ. Старшій братъ его, Володя долженъ былъ поступить въ гимназію и уѣхать въ городъ, онъ останется одинъ, некому будетъ помогать ему готовить уроки, а въ книгѣ этой такъ хорошо все разсказано, что легко понять и безъ помощи старшихъ.

Мальчики были очень довольны: кому-нибудь изъ нихъ достанется прекрасная книга. Они принялись прыгать, скакать и такъ развозились, что Костя нечаянно уронилъ столикъ, на которомъ стояла любимая чашка отца; чашка упала и разбилась.

— Что ты надѣлалъ!—закричалъ Володя,—теперь ты не получишь книги.

Костя горько заплакалъ.

Богъ съ ней, съ книгой,—говоритъ онъ,—а вотъ папа очень огорчится, ему подарила эту чашку бабушка; онъ такъ любилъ пить изъ нея чай. Какъ я скажу ему, что разбилъ ее? Нѣтъ, ужъ я лучше убѣгу и спрячусь.

И Костя заплакалъ еще сильнѣе.

Въ эту минуту вошелъ отецъ.

— Что это за слезы?—спросилъ онъ, но увидѣвъ разбитую чашку, все понялъ.—Кто изъ васъ разбилъ чашку,—спрашиваетъ отецъ.

— Это я, папа,—говорить Володя.

— Какъ тебѣ не стыдно, а еще старшій! Уходи изъ моего кабинета и не смѣй больше входить сюда.

— Папочка, прости!—прошепталъ Володя, я это сдѣлалъ нечаянно.

— Уходи, слышишь!

Володя, а за нимъ и Костя пошли къ двери.

— Ты можешь остаться, Костя, ты остороженъ, и не огорчишь отца, не станешь портить, дорогихъ ему вещей.

— Папочка!...

— Не проси за Володю,—онъ этого не стоитъ, онъ ни о комъ не думаетъ, кромѣ себя.

— Папочка, голубчикъ, это я!—сказалъ вдругъ Костя и заплакалъ еще сильнѣе.

— Какъ ты? Такъ значитъ вы оба развозились до того, что ничего не видѣли?

— Нѣтъ, папочка, Володя не виноватъ,—это я уронилъ столъ.

— Какъ же ты сказалъ, что это ты?—обратился отецъ къ Володѣ.

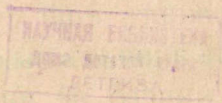
— Папочка, Костя очень испугался и мнѣ стало его такъ жаль, что...

Отецъ недалъ ему договорить, онъ обнялъ обоихъ сыновей и крѣпко прижалъ ихъ къ своему сердцу.

56379

1057-58 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стан.
Звѣринецъ	5
Школа шитья	8
Ссора	11
Похвасталъ	14
Шляпка	17
Курятникъ	20
Двѣ птички	26
Щегленокъ	28
Старая башня	34
Все бы плясала	37
Пожаловалась!	41
Подарокъ	43
Стрѣльнулъ	45
Реполовъ	48
Пролакомилъ	50
Спесь	53
Санки	55
Чужое добро	58
Письмо	60
Гривенникъ	63
Фанты	70
Качели	73
Не забудеть	75
Дурачекъ Степа	78

	Стан.
Книжечка	81
Отличилась	84
Орѣхъ	86
Хомякъ	88
Прыжокъ	92
Коврикъ	95
Гвоздика	100
Подзорная труба	103
Бѣлый хлѣбъ	106
Косцы	108
Померанцевое дерево	111
Помощь	114
Тюрютютюшки	117
Проказникъ	119
Камешекъ	123
Розы	126
На Бога надѣйся, а самъ не плошай	128
Снѣжки	130
Цѣпочка	132
Старушка	134
Снѣговикъ	139
Свалилась	142
Обновка	144
Шкапикъ	146
Шелковые чулки	149
Это я!	151

